

ЗВЕЗДА РУНЕТА ♦ ТРИЛЛЕР

РОЗА И КРЕСТ

Выбор
читателей
2015

18+

Элеонора Пахомова

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ТЕМНАЯ БЕЗДНА.
КАКИЕ ТОЛЬКО ДЕМОНЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ИЗ ЭТОЙ ТЕМНОТЫ!

Элеонора Сергеевна Пахомова

Роза и крест

Серия «Звезда Рунета. Триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32544425

Роза и крест / Элеонора Пахомова: Издательство АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107549-1

Аннотация

Что скрывается за чередой диких ритуальных убийств в сердце Москвы? Отголоски прошлого или мистические веяния современности?!

Это не просто детектив или психологический триллер. Автор изображает таинственный расклад Старшего аркана Таро. Считается, что Таро хранят в себе тайну мироустройства.

Это книга о вере и безверии, о силе и слабости, об истинной и ложной любви, о Боге и Дьяволе.

Отточенный стиль и мастерское сочетание несочетаемого – то, что отличает «Розу и крест».

Содержание

I	5
II	28
III	43
IV	61
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Элеонора Сергеевна Пахомова Роза и крест

*Все события и персонажи вымышлены. Любые
совпадения случайны*

© Элеонора Пахомова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

I

Дурак

Мирослав Погодин рассматривал фотографию трупа с отворачиванием и любопытством. Да, пожалуй, это действительно по его части.

По другую сторону стола сидел майор полиции Иван Замятин, всем своим видом выражая надежду, что эксперт по вопросам оккультизма Погодин вот так вдруг возьмет да и выдаст – как зовут убийцу и где его искать. По понятным причинам Мирослав Погодин сделать этого не мог. Все, чем на данный момент можно было порадовать майора, – это подтвердить его предположение, что убийство относится к разряду ритуальных, и что он, Погодин, готов предложить свои услуги консультанта и тем самым оказать посильную помощь следствию.

На майора жалко было смотреть. Переступив порог места преступления несколько часов назад, единственное, что он смог произнести, были слова: «Твою мать...»

– Твою жешь мать... – снова повторил Замятин, приглядевшись к трупу внимательней.

Тут было от чего лишиться способности изъясняться нормативной лексикой. К моменту появления майора следственно-оперативная группа уже работала на месте преступ-

ления, хотя слово «работа» вряд ли подходило для описания действий криминалистов. Два человека стояли возле трупа, третий присел на ручку кресла рядом с покойным, предварительно накрыв ее листом целлофана. Судя по мизансцене, наблюдатели пытались сообразить, как в Москве XXI века могла материализоваться такая дичь.

Пожилой профессор психиатрии, весьма уважаемый в кругу коллег человек, лежал в своем кабинете для частных приемов на западной окраине столицы мертвый и оскверненный. Его левая нога была выпрямлена, правая согнута в колене и помещена на левую так, что вместе они напоминали цифру 4. Правая рука, сжатая в кулак, лежала в районе пупка, левая, вытянутая на полу, указательным и средним пальцами являла знак V (Victory). Рубашка на профессоре была разорвана, на груди алела пятиконечная звезда, вырезанная на плоти покойного. Дальше – одна сплошная кровища. Шея и лицо жертвы были сплошь покрыты багровой коркой.

– Смерть наступила около двенадцати часов назад, предположительно от ножевого ранения шеи в области сонной артерии. Помимо всего прочего, у трупа вырезан язык, – выдал первым оправившийся от шока криминалист, присев на корточки у головы покойного. – В кулаке, кажется, что-то зажато. Что именно, сможем узнать при вскрытии.

«Ну, все! Накрылся отпуск!» – подумал Замятин. За годы службы он, конечно, посмотрелся всякого, но пятиконечные звезды до сих пор ему являлись лишь на погонах, ес-

ли оставить в стороне пионерское детство. Это вам не бытовуха, не устранение конкурента по бизнесу, не любовная история с трагическим финалом. Это, мать ее, пятиконечная звезда, вырезанная на теле, выданный язык и куча непонятной символики. Чувешь, чем пахнет, майор?

Нюх у Замятина был отменный, как у русской борзой с безупречной родословной, на том и стоял. Это чутье (или, как он сам его называл, чуйка) и привело его к майорским погонам. Чем пахнет это убийство, он сейчас ощущал отчетливо. Пахнет оно серией. Здесь явно поработал псих, ново-явленный маньячара, одной жертвой его подвиги наверняка не ограничатся. Если этот отморозок войдет во вкус, дело получит широкую огласку. О ритуальных серийных убийствах в Москве будут кричать все СМИ, возможно, не только российские. За такого «клиента» начальство три шкуры сдерет, мало не покажется. Психа надо искать быстро, очень быстро, на предельных оборотах, пока миру не явился второй Чикатило.

Псих – ха! – а кто еще мог приговорить профессора психиатрии? Такая вот ирония судьбы. Сколько моральных уродов прошло через него лет так за тридцать практики? Сотни? Тысячи? При этом и другие версии исключать пока рано.

- Кто обнаружил тело? – мрачно поинтересовался майор.
- Секретарша, она сидит в приемной.

Для ведения частной практики профессор оборудовал двухкомнатную квартиру на первом этаже панельной высот-

ки. Попасть в нее можно было не только через подъезд – в стене одной из комнат, проходящей в задней части дома, оборудовали дверь, к ней с улицы вела металлическая лестница. Эта комната служила приемной, сразу за ней находился санузел, за ним – кухня, справа от кухни – кабинет. В кабинете лежал истерзанный труп профессора, в приемной, трясаясь всем телом, сидела секретарша, двумя руками сжимая стакан воды. На столе рядом с ней лежал на треть опустошенный блистер «Атаракса».

На вопросы майора эта женщина средних лет в строгом юбочном костюме с дурацким белым жабо под подбородком поначалу отвечала, сильно заикаясь и кое-как. Замятину удалось понять следующее: вчера у нее был отгул (что-то с ребенком), профессора она обнаружила в девять тридцать утра, как только приехала на работу. В дни ее отсутствия светило психиатрии делал пометки о приемах и записях собственноручно на бумаге для принтера, потом отдавал их секретарше, та вносила данные в электронную базу. Замятин сразу же справился, обнаружен ли листок. Ответ: нет. Листок искать всем миром! Электронная база клиентов, к счастью, была и хранилась на жестком диске в ноутбуке секретарши, вот он, нетронутый, лежит на ее рабочем столе. Удача и чудо! Но, видимо, лишившись от шока всякой способности соображать, секретарша судорожно мотала головой и говорила, что базу не отдаст, профессор строжайше запретил разглашать хоть какую-то информацию о клиентах

– врачебная тайна, профессиональная этика. Дура!

– Профессор убит! – рявкнул Замятин, изрядно устав сюсюкать с невменяемой женщиной и разбираться в ее нечленораздельной речи.

Секретарша вздрогнула и разрыдалась с новой силой. Твою мать...

– Какого рода клиенты обращались к профессору? – мягко зашел майор, когда она слегка успокоилась.

– В последние годы Евгений Павлович сосредоточился на богатой клиентуре, – заикаясь, проговорила собеседница и попыталась отпить глоток воды. Замятин услышал, как зубы клацнули о край стакана. Она сделала глубокий вдох, поставила стакан на стол, постаралась взять себя в руки. Получалось это у нее паршиво, но уже хоть как-нибудь. – Профессор принимал элиту общества, в основном бизнесменов, некоторые из них – птицы очень высокого полета, публичные персонажи, ну, знаете, телезвезды, артисты, обращались к нему и политики. Больше половины его пациентов составляли женщины, в основном жены богатых людей.

«Час от часу не легче», – подумал Замятин. Попробуй-ка вызвать на допрос какого-нибудь нефтемагната или хотя бы постучать к нему в дверь со своей ментовской корочкой. Да одного косого взгляда в его сторону хватит, чтобы он набрал нужный номер и майора распластали в кабинете начальства, как муху на стекле. Что уж говорить о политиках с их депутатской неприкосновенностью? «Так, ладно, – быстро сооб-

ражал он. – Голь на выдумки хитра, есть у меня одна мыслишка на ваш счет, „неприкосновенные“. Если Серега разговорится, доберусь я и до вас. Но это после».

– У профессора были конфликты с пациентами?

– Да что вы! Евгений Павлович – гений, светило! Он видел людей насквозь, некоторые пациенты на его приемах рыдали как дети. Профессор умел вытаскивать из них то, что годами, десятилетиями не давало им жить легко. Ампутировал, как хирург, все их внутренние болячки, опухоли, гнойники. Они были ему бесконечно благодарны.

– У него были тяжелые пациенты? Совсем запущенные случаи отклонений от нормы? Психи, короче говоря...

– Хроники, – поправила секретарша. – На частных приемах с такими пациентами Евгений Павлович не работал. Несмотря на свою квалификацию высочайшего уровня, для клиентов, которые обращались к нему в личном порядке, он выступал больше в роли психолога и психотерапевта. Люди с глубокими патологиями редко осознают, что у них проблемы, поэтому сами за помощью не обращаются. Тем более профессор целенаправленно сосредоточился на обеспеченной публике, такса за прием у него была соответствующая, не многим по карману, поэтому и контингент был относительно благополучный. Но я подчеркну: относительно. Когда речь идет о проблемах с психикой, социальный статус не так много значит, ведь разрушительная травма могла быть получена еще в детстве. Но если с этой травмой человек до-

жил до зрелости и при этом достиг успехов, значит, психика с ней справляется, блокирует. Были, правда, среди клиентов пограничники, ну, знаете, люди в пограничном состоянии, на грани шизофрении, например. Но если профессор работал с ними, значит, считал, что ситуацию можно скорректировать, не все так патологично.

– А если профессор видел, что ситуацию исправить уже нельзя, как он поступал? – спросил майор, а про себя отметил, что успокоительное наконец подействовало. Женщина теперь выглядела расслабленной, заторможенной, обмякшей. Взгляд ее подолгу зависал в одной точке, а речь бесстрастно лилась сама собой.

– Я же вам сказала, люди в таком состоянии сюда не приходили, – устало проговорила она. – Но, думаю, если бы Евгений Павлович столкнулся с таким случаем, возможно, он посчитал бы нужным связаться с родственниками, а может, с сотрудниками госучреждений. Если человек потенциально представляет опасность для окружающих, он должен находиться в стационаре.

«Хватит с нее на сегодня», – решил майор. Он отдал необходимые распоряжения, скинул на флешку нужную информацию из ноутбука и вышел на крыльцо металлической лестницы. По правую руку от него возвышалась Триумфальная арка, впереди за деревьями шумела площадь Победы, вдоль нее тянулся Кутузовский проспект, ведущий прямоком на Рублевку. Именно там жили те клиенты профессора, зани-

маться которыми майору хотелось меньше всего. Но они – лишь малая часть потенциальных подозреваемых, нельзя забывать и про ближний круг профессора, родственников, коллег, а главное – бывших пациентов, которые прошли через светило за годы работы в госучреждениях, если из них кто-то вообще выходил из стен психбольниц на волю. Таких случаев, скорей всего, немного.

Но нюх подсказывал Замятину, что искать нужно именно здесь. Профессора убили в кабинете для частных приемов. Мог ли он, человек, прекрасно понимающий внутреннюю природу людей, собственноручно распахнуть крепкую металлическую дверь с тремя замками перед шизоидом, которого когда-то закалывал в психушке аминазином до пузыристых соплей? Вряд ли. К тому же листок, на котором он должен был делать пометки о приемах в тот день, исчез. А секретарша заверила, что этой процедурой светило никогда не пренебрегал. Выходит, убийца листок забрал, а раз забрал – значит, там была запись о его ожидаемом визите.

В любом случае надо, прежде всего, разобраться, что за infernalная вакханалия царит в голове у убийцы. На чем именно у него поехала крыша. Это поможет ощутимо сузить круг подозреваемых, задаст вектор поисков. Майор глубоко вдохнул сухой горячий воздух августовской Москвы. Столица, похоже, бьется в последних судорогах знойной агонии – воздух раскалился, дышать совершенно нечем, в Подмосковье горят леса, и это после дождливого и зябкого июля.

Черт знает что. В такую жару кто угодно свихнуться может. Думай, майор. В жару думать трудно, но надо. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице, прошагал каких-нибудь сто метров по направлению к проспекту, свернул на площадь, сел на лавочку и закурил.

Пятиконечная звезда, непонятная поза, явно неслучайная, язык. Нужен кто-то, кто понимает в чертовщине. Минуточку... Как же звали того щеголя, который полгода назад читал для сотрудников органов лекцию о сектах? Замятин набрал телефон управления, навел справки. Через десять минут он уже звонил Мирославу Погодину. Будем надеяться, что эксперт по оккультизму разъяснит, что в голове у этого психа и по каким признакам его искать.

Связаться с Погодиным удалось быстро. К радости майора, эксперт оказался не занят и проявил живейший интерес к его просьбе. Через полтора часа он уже сидел в кабинете Замятина, рассматривая фотографии жертвы.

– Ну что ж, Иван Андреевич, вы правы, признаки некоего ритуала в данном случае налицо. Какие именно и что конкретно они означают, смогу сказать вам чуть позже – сегодня вечером или завтра утром. Мне надо подумать.

С этими словами Погодин неторопливо встал, пожал приунывшему майору руку, добавив мягко, но уверенно: «Я вам позвоню», и вышел из кабинета.

Мирослав не любил суеты. Суета и спешка лишь путали мысли, создавали ненужное напряжение, мешая приблизиться к истине. Погодин знал, что четкое, ясное понимание сути вещей приходит как озарение – яркой, неожиданной вспышкой, в гармонии и покое. Чем меньше лишних, натужных мыслей в голове в этот момент, тем очевидней и ярче одна, единственно верная, ее уже ни с чем не спутать. Все, что нужно, – настроиться на поиск ответа, как он говорил – включиться в поток. И подождать.

Поэтому он положил фотографии трупа в карман легкого льняного пиджака, рукава которого были по-пижонски на треть подвернуты, посмотрел на часы – Breguet Classique Complication с прозрачным механизмом (подарок отца по случаю защиты кандидатской) и решил, что самое время отобедать.

Он щелкнул брелоком сигнализации, уселся в свой кабриолет Maserati Gran Cabrio Sport и покатил с Петровки на Тверскую, на веранду ресторана, расположенного на крыше отеля «Ритц-Карлтон» – некогда знаменитого «Интуриста».

Разместившись под белым тентом и бесстрастно созерцая копошение гостей столицы на подходах к Красной площади, Мирослав чувствовал на себе заинтересованные взгляды юных и желающих казаться юными девиц. Он знал, что

хорош собой — высок, статен, с каштановыми, почти черными, волосами, которые волнистыми локонами спускались чуть ниже мочек ушей, с синими, как вода в ледяной проруби, глазами, с безупречными чертами лица, в котором было что-то скандинавское. К тому же он прекрасно отдавал себе отчет, что его природное обаяние в разы усиливается отцовскими «Брегетами» и другими атрибутами роскошной жизни, привычкой трапезничать в дорогих ресторанах. К повышенному вниманию со стороны женского пола Мирослав давно привык, оно его ничуть не задевало и воспринималось как должное.

В свои тридцать лет Погодин был кандидатом философских наук и имел звание доцента кафедры философии МГУ. Школу он окончил экстерном и уже в пятнадцать лет числился студентом философского факультета МГИМО.

В двадцать шесть лет Мирослав успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную обрядам как форме религиозной деятельности, в двадцать девять стал доцентом, в следующем году намеревался защитить докторскую, раскрыв догматическое основание метафизических систем. Помимо этого, он входил в состав Московского комитета по спасению молодежи от псевдорелигий и тоталитарных сект, принимая активное участие в деятельности организации, и время от времени читал лекции для сотрудников МВД по философии и религиоведению.

Его жизнь должна была сложиться иначе. Во всяком слу-

чае, его отец когда-то думал, что Мирославу уготован другой путь. Дмитрий Погодин, ныне крупный бизнесмен, в последние годы мелькающий в списках российского Forbes, до появления сына на свет имел за душой всего ничего. Его главными активами были сильный характер, живой ум и трепетная, возвышенная, граничащая с поклонением любовь к своей жене.

Мать Мирослава происходила из графского рода Игнатьевых. Она никогда не кичилась своей породой, в ней не было ни высокомерия, ни пафоса, но было что-то такое, уловимое лишь на инстинктивном уровне, что не позволяло сказать при ней грубого слова или проявить неуважение. В то, еще советское время, когда родители Мирослава познакомились и Дмитрий Погодин влюбился впервые и навсегда, единственным приданым его невесты было врожденное чувство собственного достоинства и незамысловатое колечко, которое, как гласило семейное предание, удалось сохранить еще со времен Софьи Мещерской.

Делая Марии Игнатьевой предложение, Погодин-старший решил для себя, что обеспечит ей достойную жизнь, оградит их союз от тлетворного влияния быта и нужды. Любовь к этой женщине определила его судьбу.

После распада СССР Дмитрий Погодин занялся торговлей, доставляя в Россию продукты, которых бывшие строители социализма и не нюхивали. В лихие девяностые собственный бизнес был делом беспокойным и рискованным.

Один раз Погодин-старший прогорел по-крупному: его магазин сожгли почти дотла за то, что «не хотел делиться». Но это его не сломило, наоборот, он зашевелился еще активней, удвоив усилия. К началу двухтысячных он уже стал владельцем крупной торгово-розничной сети. К концу первого десятилетия нового века его активы пополнились пакетами акций одной из крупнейших в стране финансовых организаций и компании мобильной связи.

Когда бизнес Дмитрия Погодина только начинал набирать обороты, он, конечно, питал надежду, что сын станет продолжателем его дела. Но Мирослав выбрал другой путь.

Он рос мальчиком жизнерадостным и открытым миру. Его любили в семье, любили в школе – он жил легко, не зная терпкого и вязкого привкуса печали на кончике языка.

В свое десятое лето Мирослав по обыкновению был отправлен в деревню под Воронежем, к бабушке и дедушке по отцовской линии. Каждое лето в это пахнущее травами и шумящее быстротечной рекой местечко приезжали взрослые и маленькие члены погодинской семьи. Кто-то гостил всего неделю, кто-то – целое лето. В тот год Мирослав провел в деревне чуть больше месяца в компании стариков и двоюродного брата. Брат был старше его на четыре года и часто наведывался в этот дом – жил он в Воронеже, всего в паре часов езды от деревни. Здесь у него были друзья, с которыми он гонял по колдобинам на стареньком мопеде.

Мирослав в силу возраста не очень вписывался в компа-

нию брата. Он больше времени проводил со стариками, то помогая собирать ягоды с густых кустарников, то уплетая вкуснейшее варенье, закатанное из прошлогоднего урожая. Кисло-сладкие ягоды в вязком соку он запивал еще теплым парным молоком, которое в избытке давала черноносая корова Веста, то и дело оглашавшая двор своим густым и тягучим, как варенье, мычанием. Еще Мирослав любил ходить с дедом на рыбалку, сидеть под зелеными кронами на берегу узкой мелководной речушки, наблюдать, как в тишине разномастные стрекозы садятся на кончик удочки, подрагивая своими проволочными крыльями. А потом удочка резко взмывала вверх – и на земле у ног оказывалась сверкающая чешуей беспокойная рыбка.

В то лето брат иногда брал Мирослава с собой на большую реку, в которую можно было прыгать с моста, катал по вечерам на мопеде. И от того и от другого у Мирослава захватывало дух. Он с любопытством и робостью наблюдал жизнь взрослых, как ему казалось, мальчишек, втайне восхищаясь их ловкими, резкими движениями и низкими нотками в ломающихся голосах.

Но был в этой компании человек, рядом с которым Мирослав чувствовал себя неуютно, – Витя, или, как его чаще звали, Витек. В деревне все знали, что отец его беспробудно пьет. Витек время от времени ходил с синяками, но никому не жаловался и поддержки не искал. Он приходил на реку, садился на берегу, подтягивая к подбородку острые коле-

ни, округляя худую спину с отчетливо проступающими дугами ребер, и смотрел на воду. Нехорошо смотрел, зло. Когда он выходил из своего транса, то вел себя резко и грубо. Мирослав совсем не понимал, чего можно ждать от него в следующую секунду, – природа этого человека казалась ему чуждой, имеющей неясное происхождение. Витек возникал в одном с Мирославом пространстве, как темное пятно на радужной картине мира.

В один из теплых вечеров, наполненных стрекотом цикад, брат позвал Мирослава разжигать большой костер на опушке леса. К заветному месту мальчишки шли пешком, кто-то с припасенным заранее хворостом и дровами, кто-то с картошкой или пойманной днем рыбой. Одни догоняли других, компания становилась все больше. В какой-то момент к этому шествию присоединился Витек. За пазухой у него что-то тяжелело, а в свободно свисающей руке он нес маленького, похоже, еще слепого щенка, который смешно растопыривал лапы, крутил незрячей мордой и скулил. Мирославу так жалко стало его, беспомощного, неловко схваченного крепкими пальцами, что он решил заговорить с Витьком и попросить щенка. Тот взглянул на Мирослава сверху вниз и хмыкнул: «Ну, неси, малявка».

Так в руках у Мирослава оказался горячий плюшевый ком, белый с рыжими пятнами, неугомонно перебирающий лапами, бьющий хвостом по ребру его ладони и щекочущий ключицу своим розовым мокрым носом. Щенок продолжал

поскуливать, а Мирослав тихонько нашептывал ему, что теперь все будет хорошо, что он выпросит или выкупит его у Витька, щенок будет пить парное Вестино молоко и спать целыми днями в теплом, мягком месте, подставляя солнцу свое пятнистое брюшко.

Костер разгорался весело, потрескивая сухими ветками, скомканными листами газет. Присутствующие подкидывали в него все больше хвороста и поленьев, пока пламя не взметнулось до уровня их макушек. Мирослав заворуженно и радостно смотрел на рыжие огненные ленты, которые плясали и рвались к небу, как будто находились во власти воздушно-го потока, бьющего из земли. Он не подходил к костру слишком близко, чтобы жар не касался Баллу, которого он прижимал к груди. «Баллу, я назову тебя Баллу!» – прошептал щенку Мирослав.

Тем временем мальчишки раскладывали снедь, которую собирались запечь на углях, а Витек быстрым движением выудил из-за пазухи бутылку с мутной прозрачной жидкостью. «Самогон», – раздалось по другую сторону костра. Витек открыл бутылку, поднес горлышко к губам, запрокинул голову и сделал несколько быстрых глотков. Он закашлялся, влага пролилась мимо рта, на глазах его выступили слезы. Мальчишки рассмеялись, выхватили бутылку. Пока они по кругу передавали самогон – кто-то глотал его, кто-то лишь нюхал и морщился, – Витек утер губы тыльной стороной руки. Выступившие слезы он проигнорировал, не желая привлекать к

ним лишнего внимания.

– А сейчас мы совершим обряд жертвоприношения! – сказал он еле слышно, будто самому себе.

Он сделал шаг к Мирославу, резко и грубо рванул щенка на себя. От неожиданности Мирослав выпустил Баллу из рук.

Держа щенка одной рукой, Витек быстро поднял его над головой и выкрикнул: «Приношу тебя в жертву Сатане». Щенок спиной приземлился на пылающие высоким оранжевым огнем угли. С невыносимо громким, плачущим, почти человеческим криком он сделал попытку резко перевернуться на ноги и замер. Костер закоптил, на самой верхушке пламени взметнулись черные языки, словно жертвенный алтарь облизнулся, проглотив подношение. Ветер обдал Мирослава густым, горьким, смрадным дымом. Все случилось за секунды.

Мирослав не сразу понял, что произошло. С того момента, как щенок выскользнул из его рук, он наблюдал за всем, словно оглушенный тяжелым ударом под дых, не в силах пошевелиться – его восприятие безнадежно отставало от реальной динамики событий. «Предатель», – пронеслось в его голове, когда сознание сделало первую попытку разжаться после мучительного, скручивающего спазма. И Мирослав, не думая, рванулся к костру, хотя спасти было уже некого.

– Куда?! – брат резко дернул его за шиворот. Мирослава отбросило назад, ноги подкосились – он шлепнулся на лист-

ву и хрусткие ветки. Так он и сидел, неподвижно и молча, пока брат почти волоком не потащил его домой. Но перед тем как навсегда покинуть это проклятое место, Мирослав неотрывно смотрел на Витька, сглатывая соленую слюну. Тот сидел на корточках у самого костра, привычно округлив спину и обхватив руками колени, глядя на пылающие угли. Ему не было никакого дела до реакции окружающих, которые разом смолкли и будто оцепенели. Он смотрел на угли, не мигая, застывшим взглядом, но живыми глазами, в которых поблескивали всполохи огня, от этих всполохов на его лице бликовали все еще не просохшие слезы.

Именно в тот вечер Мирослав узнал, что такое боль. Не такая, когда случайно касаешься раскаленного утюга или подворачиваешь ногу, прыгивая с дерева. Другая – десятками острых когтей врывающаяся в нутро и резко рвущая его от горла до самого низа живота. А потом из этих ран словно начинает сочиться темная, тягучая, холодная жижа. Она медленно заволакивает все внутри, стекает по внутреннему зеркалу, которое отражает окружающий мир, притягивая солнечный свет амальгамой. Пачкает его, искажая отражение. На время или навсегда.

Когда Мирославу довелось испытать такую боль, он вдруг ощутил себя испорченным, не таким, как прежде, и больше не таким, как все. Как будто раньше он был целым, новеньким, сияющим, а теперь сломался, превратился в брак, стал неполноценным. Детская непосредственность и лег-

кость стали сходиться с него, как омертвевшая кожа. Он потихоньку отдалялся от сверстников, игры уже не забавляли его, как раньше. Как будто его внутренняя тяжесть и легкость его друзей разделили их десятками непржитых лет. Мирослав все больше читал, подсознательно надеясь найти в книгах тех, кому было знакомо одиночество такого рода, которое вдруг обрушилось на него, оградив от привычного мира.

Родителям он ничего рассказывать не стал, не желая пачкать их темной липкой субстанцией собственной боли, и старался, чтобы случившаяся с ним перемена не бросалась в глаза. Но мать чувствовала. Она иногда прижимала Мирослава к себе, проводя рукой по его каштановым волнистым волосам, и спрашивала: «Ну что с тобой, мой хороший?» Почему-то тепло мягких касаний ее руки и ритмичное биение сердца, которое Мирослав в эти моменты отчетливо слышал, не убаюкивали его боль, наоборот, она начинала пульсировать в нем, как нарыв. Мирослав уверял маму, что все с ним хорошо, стараясь, чтобы голос его не дрогнул.

И Мирослав, и щенок были полны доверия к миру до того злополучного вечера, и оба утратили его, каждый по-своему. И сколько потом ни пытался внутренне цельный, и оттого имеющий понятные и простые представления о жизни отец воспитать в сыне прагматичный интерес, в мальчике что-то сломалось. Жизнь для него утратила простоту и ясность. Его не интересовало, как зарабатывать деньги, делать карьеру, сажать деревья или строить дома.

Его интересовала природа человеческой боли и жестокости, природа внутреннего одиночества, которая требует объединения с Богом или с Дьяволом. В какой-то степени его интересовало и то, действительно ли возможно объединение человека с высшими силами.

Отец не испытывал никакого гнева из-за того, что Мирослав развивается как личность по своим, понятным только ему внутренним законам. Он любил его мать, она отвечала ему взаимностью, вместе они любили Мирослава. Их самобытный мальчик, тонкий и звонкий, с васильковыми глазами, рос необычным, но прекрасным. «Пусть так, – думал отец. – Каждому свое. Главное, чтобы ему было комфортно жить». Достигая в бизнесе все больших высот, он не позволял себе заиграться и забыть, ради чего положил свою жизнь на алтарь богатства. Он хотел сделать так, чтобы любимые им люди жили легко, свободно, бесстрашно. Чтобы обстоятельства не властвовали над ними, жизнь не перемалывала их личности в муку, из которой потом можно слепить все, что угодно. Погодин-старший не верил в то, что испытания закаляют, ведь кто-то стальной, а кто-то – фарфоровый. Он хотел, чтобы его родные оставались цельными и были счастливы. Поэтому, глядя на Мирослава, отец думал: «Я достиг своей главной цели. Я подарил своему мальчику возможность быть самим собой».

Повзрослев, Мирослав не обрел комплексов на почве того, что продолжает жить на деньги отца. Преподавательской

зарплаты ему хватало лишь на несколько обедов, но Мирослав, в силу профессии, взирал на существующее положение вещей философски. Он считал, что талант бизнесмена такой же точно, как талант художника, поэта, математика или педагога. У каждого свой дар, его важно распознать в себе и служить ему, а не идти на поводу у властного эго. Мирослав отчетливо понимал, что бизнес – не его стезя. Свою он, кажется, нашел, и сегодня она привела его в кабинет майора Замятина, который до дрожи хочет избавить мир от очередного маньяка. Разве плохо быть тем самым человеком, который способен ему в этом помочь? А деньги, раз уж они есть, почему бы не тратить? Они всего лишь средство обмена, не более. Нет, Мирослав определенно не испытывал никаких угрызений оттого, что стал тем, кем стал.

После обеда он покатался по городу, закончив пару дел, которые запланировал на этот день, и вернулся в свою пустую тихую квартиру на Остоженке. Налил в бокал красного вина, уселся в упругое кресло из черной кожи в своем кабинете, закинув ноги на край стола, разложил на лакированной поверхности фотографии убиенного профессора. Он смаковал вино и поглядывал на фото.

Он уже решил, что не будет пытаться с ходу разгадать послание убийцы, зашифрованное в символах на трупе. Дождаться озарения нужно спокойно, без суеты. Так вернее. Все гениальное просто, иногда достаточно одного взгляда под правильным углом.

Хотя увиденная картина щекотала его нутро – он предвкушал разминку для ума и волнующее соприкосновение с чьим-то весьма исковерканным внутренним миром. Воистину человек – это темная бездна. Какие только демоны не являются из этой темноты! Вроде бы все мы созданы по одному образу и подобию (Божьему ли?), но варианты комбинаций, в которые собираются внутренние пазлы людей, просто неисчислимы. Вспоминая свои детские ассоциации, Мирослав думал о том, что в базовой комплектации каждый человек имеет внутри цельное зеркало, такое же точно, как у всех остальных, «созданных по образу и подобию», которое отражает мир правильно. Но вот на каком-то этапе жизни попадает в это зеркало камень/осколок/дробь – и оно разлетается на множество сверкающих брызг, и каждый осколок по-своему преломляет свет, отражает пространство под разными углами наклона. Мирослав никогда не видел двух одинаково разбитых зеркал. Он никогда не видел двух идентичных осколков. А бывает так, что просто попадает в зеркало метко запущенный кем-то ком грязи – и все, не видно в нем ни зги или видно лишь там, где проглядывает амальгама.

Мирослав потянулся к бокалу, стоящему на столе, поднял его, поднес к губам. Одна из фотографий прилипла краешком к влажной стеклянной ножке, потом под воздействием собственной тяжести лениво отделилась от нее и соскользнула на пол, приземлившись вверх тормашками. В голове Мирослава мелькнула вспышка.

– А вот и ответ, – сказал он сам себе, поднимая с пола перевернутую вверх ногами фотографию. – И, конечно, все просто.

Не обратив внимания на то, что стрелки на прозрачном циферблате показывали второй час ночи, он набрал майора и спросил:

– Что было зажато в кулаке жертвы?

– Ключ от его кабинета, – сонно пробормотал Замятин.

– Любопытно... – еле слышно отозвался Мирослав, добавив уверенней: – Утром я свяжусь с вами.

И положил трубку.

II

Фокусник

Мы не виделись уже неделю. Невыносимо долго. Особенно если учесть, что я не мыслю себя без тебя. Так уж получилось. Получилось рано, сразу, пронзительно и навсегда. С того самого момента, тринадцать лет назад, когда в полутемном коридоре академии ты вдруг оказался так близко, что я смогла разглядеть совершенный рисунок твоих глаз с зеленой звездочкой вокруг зрачка и синей крапчатой бездной за ней. Идеальное творение природы, божий промысел. Куда мне до него? Ломанные линии, причудливо меняющие очертания при расширении зрачка, гениальное сочетание цветов и оттенков. Эти глаза – самое волнующее произведение искусства из всех, что мне доводилось видеть, и они мои. Потому что я не мыслю себя без тебя. Когда же ты наконец вернешься из этой бессмысленной поездки? Я чувствую себя как наркоман без дозы: тело ломит, мысли вязнут в зыбкой паутине памяти. Черт возьми, Макс, ну почему ты не взял меня с собой в этот проклятый Нью-Йорк?!

Ты знаешь, я, пожалуй, подарю Императору твои глаза. Хотя бы потому, что ни о чем другом не могу думать в твое отсутствие, а может, потому, что он – Император.

Кисть едва касалась холста. Тонкая рука с белыми длин-

ными пальцами порхала над мольбертом, как капризная бабочка, на мгновение замирая в одной части картины и тут же устремляясь к другой.

Когда его не было рядом, работа спасала ее. Она ставила перед собой белый холст, зажимала в руке палитру и создавала новые миры. Миры, в которых, так или иначе, угадывалось его присутствие. Пожалуй, его следы на ее работах были очевидны лишь для нее, но так оно лучше. Ведь делить Макса она ни с кем не собиралась, но избавиться от него свои творения тоже не могла.

Макс – совершенство, эталон, золотое сечение. Она поняла это сразу и чувствовала нутром, чувствовала в буквальном смысле, когда нижняя часть ее живота при взгляде на него начинала жить своей жизнью и каждый вдох щекотал грудную клетку изнутри. Это блаженное, ни с чем не сравнимое ощущение внутренней наполненности, одушевленности напоминало то, что она испытывала, рассматривая великие полотна, но было во много крат сильнее. Ведь Макс – не статичное творенье, не замершая навек картина или скульптура, он живой. Каждое его движение, каждый поворот головы, изменчивая игра света на его коже щекотали ее нутро новыми гранями совершенства. Она не могла привыкнуть к нему, как не могла привыкнуть к изученным до последнего мазка репродукциям любимых полотен. Макс был прекрасней любого рукотворного произведения. Свои собственные картины она приправляла его совершенством, как изыскан-

ными специями: на каких-то полотнах пытаюсь воссоздать тот самый голубой или зеленый, которыми любовалась в его глазах, где-то угадывались линии его тела, овал лица.

Вот и сейчас ей пришла в голову мысль подарить Императору его глаза. Потому что он – Император. К тому же на картине должно быть слишком много багряно-красного и оранжевого, почему бы не оттенить это огненное буйство бирюзой? Обилие красного на картине с Императором – не ее прихоть, заказчика. Точнее, заказчик просил, чтобы картины в точности повторяли фигуры Старшего аркана Таро. Колоду он передал ей вместе с инструкциями.

Карту Императора она пока отложила в сторону, встала со стула, прошла по комнате, присела на подоконник спиной к окну. Зеркальная гладь стекла отразила острые позвонки на тонкой длинной шее и худенькое плечо, оголенное широкой горловиной белой туники. Она взъерошила на затылке коротко стриженные черные волосы, свела лопатки, откинула назад голову, потянулась – и снова исчезла в глубине комнаты.

Усевшись на диван, она опять взялась за изучение фигур. Первым в ряду из четырех карт, которые наугад были взяты из колоды, лежал Иерофант, затем Смерть, Повешенный и Верховная Жрица. Она не знала, с какой именно фигуры приступить к выполнению необычного заказа, и решила доверить дело случаю, не глядя достав несколько карт. Случай указал на Иерофанта.

За день до этого в галерее она услышала бесцветный голос, назвавший ее по имени. «Фрида?» – прошелестело за спиной. Она обернулась не сразу, настолько невыразительным был этот шелест, словно шорох бумаги, от которой в галерее периодически освобождали картины. «Фрида», – прошелестело снова уже более явственно, и она повернула на звук тонкий профиль.

За спиной стоял мужчина. Ухоженный, элегантный, пожалуй, даже щеголеватый для своих лет. Однако определить его возраст с какой-либо точностью было довольно сложно. Его лицо, такое же невыразительное, как и голос, могло принадлежать человеку лет от пятидесяти и до бесконечности. Хотя нет, про бесконечность Фрида, пожалуй, загнула, но предположить, что ему шестьдесят пять, семьдесят, семьдесят пять, она могла с легкостью. Может, потому, что кожа его напоминала ей древний пергамент, тонкий, охристо-бежевый, потухший за давностью лет и оттого покрытый тонкой паутиной морщинок и глубокими изломами. Такой пергамент мог быть извлечен из древней гробницы египетского фараона и оказаться таким же старым, как мир.

«Фрида», – произнес он в третий раз, и его голос наконец обрел несколько ярких нот. Это окончательно развеяло некую иллюзорность образа, вывело ее из задумчивости. Теперь она повернулась к нему всем телом, протянула бледную руку.

– Добрый день. Меня зовут Давид, отчество необязатель-

но. Рад знакомству с вами, Фрида.

– Добрый день. Чем обязана?

Фрида была не самым приятным в общении человеком, такой же резкой, как линии ее угловатого тела, такой же холодной, как черные пещеры ее глаз. Все эти светские расшаркивания и так называемые хорошие манеры вызывали в ней чувство глубокого отвращения, почти такое же, как мазня, которую штампуют горе-художники, чтобы впарить неприятным гостям столицы или просто людям с полным отсутствием вкуса. Приторные улыбочки, беседы о погоде, о том, где в Москве лучше всего готовят фуа-гра, или как чудесно вписалось кресло Филиппа Старка в интерьер чьей-то гостиной, были такими же фальшивыми, как неоноволазурные небеса, безмятежные моря, игрушечные кораблики на холстах, выставленных в ряд на Старом Арбате. Фрида не терпела фальши ни в искусстве, ни в жизни, ибо фальшь не имела ни ценности, ни смысла. Истинное и ложное, по ее внутреннему ощущению, обладали свойством притягивать к себе одноименные заряды вопреки всем законам физики. Фальшь не льнула к Фриде, потому что она во всем искала истину. Истинную красоту, истинное искусство, истинную любовь...

Неудивительно, что она так и не стала завсегдатаем гламурных мероприятий и модных суаре, хотя прочно занимала свое место среди тех, кого в столице называли творческой богемой. Обилием приятелей и друзей она также похвастать-

ся не могла, да и не испытывала в них особой нужды. Ей достаточно было Макса и путешествий по собственным мирам, которые проступали в мире реальном на ее полотнах.

Одно из таких полотен сейчас висело у нее за спиной. Она рассматривала его до появления незнакомца – на нем Макса было больше, чем в других ее работах. Фрида скучала – ее тянуло к картине. Она даже жалела, что вывесила полотно в галерее.

Большинство ее картин были выполнены в жанре абстракционизма, потому до конца могли быть понятны только ей. Гадать, что передано в той или иной ее работе, созерцатели могли сколько угодно, но Фрида вкладывала в свои полотна определенный смысл. Под ее взглядом геометрические фигуры, линии и красочные разводы на картинах словно оживали, складывались в замысловатый пазл, на котором она явно видела свой замысел.

Незнакомец, кажется, даже не посмотрел на полотно. Он внимательно вглядывался в глаза Фриды, словно мог увидеть в них больше образов и картин, чем в самой галерее. Теперь и у нее появилась возможность разглядеть его внимательней. Невысокого мужчину отличала идеальная осанка, вероятно, благодаря этому предположения о том, сколько ему может быть лет, не заходили дальше цифры семьдесят пять. Он стоял прямо, ровно, судя по всему, не сильно этим утруждаясь. Тонкий, статный, он держался естественно и легко. Трость в его руках, скорее всего, служила лишь

декоративным атрибутом и никакой практической ценности не имела. Дорогой костюм цвета горького шоколада, скроенный точно по фигуре, шейный платок из шелка особой выделки, на котором удачно сочетались в причудливых линиях холодный бледно-голубой и теплый насыщенно-бежевый. Булавка в платке имела замысловатую форму: две змеи обвивали жезл, на конце которого сверкал камень, а по краям от него располагались серебристые крылья. Если бы камень не был таким крупным, Фрида приняла бы его за бриллиант. Камень неудачно оттенял его глаза, на его фоне они казались тусклыми. Голубизна в них выцвела, словно рисунок, забытый под солнцем на много лет, цвет их стал блеклым. Фриде на мгновение захотелось взять в руки кисть – оживить утраченную яркость радужки.

– Я хотел бы заказать у вас ряд картин, – сказал он.

– Вы любитель абстрактного искусства?

– Не совсем так. Я хотел бы заказать вам не абстрактные картины, а вполне конкретные.

– Тогда почему вы обратились именно ко мне?

– Потому что вы – Фрида. И потому что вы очень талантливы, у меня нет в этом никаких сомнений.

Фрида улыбнулась, но в улыбке читалась досада. Ей стало скучно.

– Вы, вероятно, страстный поклонник Фриды Кало?

Ох уж эта Кало! Сравнения со знаменитой мексиканкой порядком поднадоели Фриде за ее тридцатидвухлетнюю

жизнь. Точнее, за последние двадцать три года, с тех пор как она переступила порог художественной школы.

Незнакомец рассмеялся, слегка запрокинув голову и склонив ее набок, не отрывая от Фриды взгляда. Смех его оказался глухим, гортанным, тихим.

– Нет, я поклонник другой Фриды, хотя в картинах Кало есть свой шарм. Тем не менее мне нужны именно вы. Я долго искал вас. И не зря. У меня такое чувство, что мы знакомы тысячу лет.

– Вряд ли, я несколько моложе, чем вам показалось, – Фрида не удержалась от колкости в ответ на банальную лесть, но все же смягчила ее едва заметной улыбкой. – Если вы так хорошо меня знаете, скажите, что вы видите на этой картине?

Она указала на свою работу, висящую за спиной. Он взглянул на пестрое полотно лишь мельком и ответил незамедлительно:

– Я вижу вашу боль. Эта боль – часть вас, неотъемлемая и бóльшая, которую вы любите сильнее, чем саму себя. Вам кажется, что именно в этой части вашего естества заключено совершенство.

– В чем суть вашего заказа? – она задала вопрос поспешно и сухо. Ей не понравилось, как отозвался в ней ответ незнакомца, словно камень упал в спокойное озеро, и по воде разошлись круги. Пускать первого встречного в святая святых, туда, где безраздельно властвует Макс – в свой внутрен-

ний мир, – ей совсем не хотелось. Она уже жалела, что зада-
ла вопрос о картине.

– Я думаю, детали моего заказа лучше обсудить в тихом уютном месте, например за чашечкой кофе. Вы не против, если я приглашу вас в ресторан?

У входа в галерею Давида ждал личный водитель. Марками машин, как и многими другими проявлениями внешнего мира, Фрида особенно не интересовалась. Поэтому отметила лишь то, что большой черный автомобиль с плавными линиями и глянцевым блеском похож на корабль. Ассоциация усилилась, когда машина плавно покатила по центральным улицам Москвы, заключив Фриду в уютный салон, отделанный натуральной кожей кремово-бежевого цвета. В салоне витал едва уловимый, немного терпкий запах кожи, бесшумно работал кондиционер.

Из тесных улочек Китай-города они выплыли на просторную Моховую, свернули на Тверскую и двинулись в сторону Ленинградки. Проехав Белорусский вокзал, машина снова нырнула в переулки и остановилась у крыльца с массивной деревянной дверью, у которой стоял швейцар. Они вошли в полумрак просторного помещения с очень высоким потолком, где на большом расстоянии друг от друга стояли круглые столы под белоснежными скатертями.

– Это один из моих любимых ресторанов в Москве. Вы позволите мне самому сделать заказ для вас?

Фрида ответила согласием – ей было не так уж важно, ка-

кие яства окажутся перед ней на столе. Давид указал официанту пальцем на два пункта в меню, добавив: «Мне как всегда». Официант кивнул и бесшумно удалился.

– Собственно, суть моего пожелания заключается в следующем... – Давид достал из внутреннего кармана пиджака бархатный мешочек. Аккуратно развязал тесьму, выложил на стол стопку картинок. – Это двадцать две карты Старшего аркана Таро Тота. Вы, вероятно, о нем слышали?

– О Таро слышала, о Таро Тота – нет, – призналась Фрида, не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести.

Давид посмотрел на нее словно испытующе и в то же время лукаво. Его выцветшие при дневном свете глаза в интимном освещении ресторана нет-нет да и оживали искрящимися всполохами, как камни в освещении ювелирного магазина.

– Тогда вас ждет много интересных открытий, – улыбнулся он. – Но обо всем по порядку. Я хочу заказать вам двадцать два полотна, точно повторяющие изображения на этих картах.

– Двадцать два? Но что вы собираетесь делать с таким количеством картин? Открывать собственную галерею?

Давид рассмеялся своим глухим гортанным смехом.

– Нет, они нужны мне для личного, скажем так, пользования. Я собираюсь повесить их в своем доме.

Фрида взяла колоду в руки, разглядывая фигуры. Карты представляли собой завораживающее зрелище, одну за дру-

гой она выкладывала их на стол. В верхней части каждой из них стояли римские цифры, в нижней – подписи на английском, в середине царило буйство образов и красок.

– Вы что, наделяете эти картинки особым смыслом? Верите, что они обладают определенной силой?

– Это не просто картинки, Фрида. Старший аркан Таро – это не случайное собрание персонажей, это ключи. Ключи от потаенной двери, за которой сияет истина. На этих картинах вы не найдете ни одного случайного символа, здесь каждая, даже едва заметная деталь имеет свой порядок и смысл. Старший аркан Таро Тота – великая книга мудрости, дарующая силу.

– И вы действительно верите в такие вещи? – повторила Фрида свой вопрос на новый лад, удивленная услышанным.

– В какие вещи? – Давид улыбнулся так, словно предвкушал удовольствие.

– В магическую силу карт Таро, например. Да и вообще в магию?

– Конечно. И вы, Фрида, верите в «такие вещи», просто боитесь себе в этом признаться.

– Не уверена.

Его глаза казались Фриде все ярче, они, будто губка, впитывали краску, наливаясь цветом.

– Все мы маги, хотим мы того или нет. Нюанс в том, что маги, как и сама магия, бывают заурядными, а бывают выдающимися. Разница в степени осознанности. Человек, как

вы знаете, создан по образу и подобию Высшего существа, если хотите – Бога. Поэтому в каждом из нас заложена способность созидать. Эта функция – неотъемлемая часть человеческой сущности. Она так же произвольна, как дыхание, и так же всегда активна. Осознанно Бог создал большой мир. Осознанно или бессознательно мы каждую секунду жизни созидаем вокруг свой собственный, локальный. И он, послушный нашей мысли, возникает вокруг нас, как послушно вашей кисти на холсте возникают образы. Хотите простой пример? Чего бы вам сейчас хотелось съесть или выпить?

– Ну, допустим, двойной эспresso и тирамису.

Когда Фрида произносила эти слова, официант с подносом был уже на полпути. Он сделал последние несколько шагов, остановился и начал выставлять на стол заказанные блюда. Карпаччо из говядины и вода Perrier для Давида, двойной эспresso и тирамису для Фриды.

Впервые с момента их знакомства Фрида позволила себе рассмеяться.

– Забавный фокус. Неожиданно, – призналась она. – Ну и как вы это сделали? Хотя могу предположить, что это может быть простым совпадением, случайностью...

– Случайностей, милая Фрида, не бывает. Как, собственно, и совпадений. Все в этом мире закономерно, абсолютно все. А что касается «фокуса», то проделал его не я, а вы.

– Я? И как же, позвольте узнать?

– Вы хотели эспрессо и тирамису, поэтому они материализовались в вашей реальности. Я выступил лишь проводником вашей воли.

– Ну да, ну да, – улыбнулась она. – Популярная в последние годы теория об управлении реальностью с помощью мысли. Я не сильно увлекаюсь такими вещами, но даже до меня долетали отголоски этого модного нынче веяния. «Трансерфинг реальности», если не ошибаюсь, и еще, кажется, «Секрет». Сейчас даже школьник, не затрудняясь, выложит вам сакральные знания по этому предмету.

– То, о чем вы говорите, имеет место. Но эти книги на самом деле не лгут, хотя и всей правды не раскрывают. Чтобы получить полное представление о том, как работает механизм, нужно собирать знания по крупицам, дополняя картину, набросанную в этих книгах в общих чертах. Так или иначе, обладает человек этими знаниями или нет, он сам создает свою реальность. Просто те, кто владеют предметом, делают это осознанно и качественно, а неведающие – как придется и часто в ущерб себе. Но суть не в этом, а в том, что это простейшая магия, можно сказать, бытовая, право и способность ее вершить есть абсолютно у каждого. Однако она имеет одно существенное ограничение – с ее помощью нельзя подчинить себе волю другого человека. Потому что каждый обладает свободой воли как неотъемлемым священным правом. Например, силой своей мысли и воли вы не можете заставить другого человека присутствовать в вашей реально-

сти, если он того не хочет, не можете заставить его полюбить или возненавидеть вас. Гораздо большую власть дарует другая магия, высшая. Она доступна не многим, тем, кто обладает не только знаниями, но и смелостью переступить черту, нарушить запреты.

– Боюсь, что в этих темах я окажусь не самым благодарным слушателем и не самым интересным собеседником.

– От вас этого и не требуется. Просто возьмитесь исполнить мою просьбу, напишите эти картины. Можете не сомневаться, гонорар вас не разочарует.

– Но почему я?

– Я уже отвечал вам на этот вопрос, – мягко произнес Давид. – Потому что вы – Фрида. Дело в том, что колоду Тота рисовала художница Маргарита Фрида Харрис. Мне бы хотелось, чтобы полотна, предназначенные для меня, были также написаны Фридой.

– Я могу подумать, стоит ли мне браться за этот заказ?

– Конечно. Возьмите колоду, чтобы предмет размышлений был перед глазами, и свяжитесь со мной в любое время, как только примете окончательное решение.

Этот разговор не произвел на Фриду какого-то особого впечатления – у каждого свои причуды. Она и сама была личностью незаурядной, поэтому легко принимала сложность внутреннего устройства других. Человеку обязательно нужно во что-то верить, так почему бы кому-то не верить в силу каких-нибудь карт, оберегов, пророков, чего и кого угод-

но? Ведь нынешнее время не предлагает конкретных и убедительных объектов для веры – ни Бога, ни царя, ни вождя, ни культа. Поэтому каждый наделяет верой то, что ему ближе. Пусть так.

Вернувшись домой, она раскрыла колоду веером. Фрида Харрис, по-видимому, была недурной художницей и занимательной личностью – было в ее творении нечто гипнотическое. Карты приковывали внимание, каждая из них словно открывала перед Фридой глубокий туннель, в который хотелось ступать осторожно – шаг за шагом, но все дальше и дальше. Фрида оглядела пустую комнату, в которой не было Его, и подумала, что заказ пришелся кстати. Собственных новых замыслов для картин у нее пока не было – источник вдохновения укатил в заморские страны. А работать – всяко лучше, чем маяться скукой и тоской. Через пару часов она наугад вытащила из колоды Иерофанта, Смерть, Повешенного и Верховную Жрицу. Установила на мольберте новый холст и набрала номер Давида.

– Я возьмусь за эту работу, – сказала она.

– Отличная новость, Фрида. С какой карты собираетесь начать?

– Это будет Иерофант.

III

Папа

– Это Иерофант, – с порога заявил Мирослав и бодро прошествовал по кабинету. Сел на стул напротив майора, который понуро макал чайный пакетик в кипяток, закинул ногу на ногу и легким движением руки бросил на стол цветную картонку.

– Что это? – полюбопытствовал Замятин, взяв в руки принесенный Погодиным предмет.

– Карта Таро «Иерофант». Если конкретней, то эта карта из колоды Тота, созданной Алистером Кроули и Фридой Харрис.

– Ну, теперь мне все ясно. Дело можно закрывать, – съязвил Замятин, поймав себя на том, что из всего вышесказанного ему понятны лишь два слова: «карта» и «колода».

Погодин усмехнулся, его губы изогнулись в едва заметной улыбке, правда лишь с одной стороны. Синие глаза смотрели на майора весело и доброжелательно, правая нога непринужденно покачивалась на левой, привлекая внимание неприлично дорогой обувью. Рукой Погодин отбивал на полицейском столе веселенький ритм. «Ну чисто Дориан Грей», – подумал майор, глядя на красивое лицо эксперта по оккультизму, на его вальяжно-аристократическую повадку и холе-

ный вид, правда никакой неприязни при этом не испытывая.

Это у Замятина утро не задалось. Он не сразу уснул после ночного звонка Мирослава, ворочался и вздыхал, предчувствуя объем работы, которую этот псих еще подкинет – можно не сомневаться. Майор вообще не любил связываться с явными психопатами, ни в какую объяснимую человеческую логику их действия не укладываются, просчитать их практически невозможно. Чтобы понять психа, надо самому быть хоть немного сумасшедшим. А Замятин был нормальным. Понятным, правильным, простым. Он не испытывал никакой нужды в том, чтобы усложнять жизнь душевными терзаниями о несовершенстве земного бытия, рефлексировать и искать сложное в простом. Изъяны мира он предпочитал корректировать доступными ему средствами, искореняя преступность по мере сил. Как говорится: «Что можешь изменить – измени, что не можешь – прими».

Зато Погодин, судя по всему, чувствовал себя в своей стихии. После того как фотография жертвы скользнула со стола и, перевернувшись, упала на пол, на него снизошло то самое озарение, которого он так самоуверенно ждал. Ну конечно! Как он сразу не заметил? Убитый лежал в позе Повешенного! Правая нога на левой в форме четверки. Двенадцатый аркан Таро!

Таро – знаменитые карты, тайна возникновения которых до сих пор не открыта. Загадочная колода, изобилующая знаками и символами, уже не одно столетие будоражит умы

окультистов, алхимиков, колдунов, магов – всех тех, кто жаждет приобщиться к тайному знанию. В Таро объединены астрологическая, каббалистическая, алхимическая системы, зашифрованные в символах. Многие известные мистики и оккультисты – члены различных орденов и тайных обществ – несколько последних столетий бились над расшифровкой тайны Таро, создавая при этом собственные колоды, упорядочивая систему карт по своему усмотрению.

Версий появления Таро на свет существует великое множество, и ни одна из них достоверно не подтверждена. Желая наделить Таро особым сакральным смыслом, многие оккультисты предпочитают думать, что эти карты пришли в мир из культуры Древнего Египта. А небезызвестная Елена Блаватская вообще предположила, что Таро – это наследие легендарной Атлантиды, откуда оно, по ее мнению, попало к египетским жрецам.

Однако красивая и интригующая версия прямого отношения Таро к магической культуре древних цивилизаций при ближайшем рассмотрении трещит по швам. Мирослав как кандидат наук предпочитал все же больше верить фактам, нежели легендам. Поскольку ничего похожего на символизм Таро в культуре Древнего Египта до сих пор не обнаружено, Погодин склонялся к версии, что эти карты пришли в Европу из исламского мира, как и традиционные игральные. Примерно в 1375 году во Флоренции появилась карточная игра Naïbbi, к концу XIV века она широко распространилась по

Западной Европе.

Самой старой из ныне известных колод, которую считают прототипом современных Таро, является колода «Висконти-Сфорца». В XV веке миланские герцоги семейств Висконти и Сфорца заказали карты, нарисованные вручную на картоне большого размера, добавив к основным игровым еще двадцать одну карту и одну нумерованную – «Дурак», которой придали наибольшее значение, она была любую другую. Так в игральной версии Таро появился загадочный Старший аркан из двадцати двух карт. Карты этого Аркана по-итальянски называли триумфами, а по-французски – козырями. Позже, чтобы отличить игру такой колодой от обычной, эти карты стали называть итальянским словом «tarocchi», этимология которого неизвестна. В немецком варианте оно звучит как «tarock», во французском – «tarot».

В отличие от Младшего аркана, состоящего из пятидесяти шести карт четырех мастей с числовыми значениями, Старший аркан мастей не имеет вовсе, в нем собраны карты-персоны, карты-явления, карты-символы: Дурак, Маг, Верховная Жрица, Императрица, Император, Иерофант, Влюбленные, Колесница, Справедливость, Отшельник, Колесо Фортуны, Сила, Повешенный, Смерть, Умеренность, Дьявол, Башня, Звезда, Луна, Солнце, Суд, Мир.

В XIX веке французский оккультист и таролог Альфонс-Луи Констан, известный под псевдонимом Элифас Леви, сопоставил эти двадцать две карты с буквами иврита, ко-

торые, согласно герметической традиции, соотносятся с астрологическими, алхимическими и другими мистическими символами. Благодаря этой находке вокруг Таро засиял мистический, загадочный ореол.

Однако, возвращаясь к самой старой из ныне известных колод, доподлинно неизвестно, использовали ли Висконти и Сфорца свою колоду для игры или как-то иначе, ведь их карты имели достаточно большой размер. К тому же на оригинальных картах «Висконти-Сфорца», ныне хранящихся в мировых музеях и библиотеках, имеются отверстия, из чего следует, что их могли подвешивать как картины.

Любопытно, но этот факт перекликается с одной из легенд египетского происхождения Таро, которую высказал Поль Кристиан в книге «Истории магии». Он описал ритуал посвящения в египетские мистерии, который заключался в том, что посвященный проходил вдоль длинной галереи, на стенах которой висели двадцать две фрески, изображающие мистические фигуры и символы Старшего аркана Таро. Карты были развешаны попарно друг напротив друга. Следуя вдоль галереи мимо картин, посвященный получал наставления от жреца. «Каждый Аркан, ставший благодаря картине видимым и осязаемым, представляет собой формулу закона человеческой деятельности по отношению к духовным и материальным силам, сочетание которых производит все явления жизни», – писал Кристиан.

Как бы то ни было с историей, в современности вариан-

тов колод Таро насчитывается уже более полутора тысяч. Оккультисты и тарологи несколько последних столетий создавали и продолжают создавать свои варианты колод, а параллельно с ними тем же самым занимаются и все, кому не лень. Чуть ли не каждый день появляются новые колоды: Таро Ведьм, Эльфов, Гномов, теперь мир узнал еще и такую дикость, как Таро Властелина Колец.

Тем не менее практически во всех из них, за исключением совсем уж бредовых, поза Повешенного, изображенного на двенадцатой карте Старшего аркана, остается неизменной: человек подвешен за ногу, вторая согнута в колене. Значение карты для всех колод также вполне определенное: Повешенный означает жертву. Конечно, в окружении других карт его можно трактовать по-разному, но в чистом виде, если так можно выразиться, он – жертва.

Осталось понять, о чем именно говорит другая символика, оставленная на трупe. Если исходить из того, что убийца прибегает к символизму Таро, то зажатый в кулаке убитого предмет и знак «Victory», сложенный из пальцев левой руки, должны указывать на другую фигуру того же Таро. Так, что еще мы имеем? Отрезанный язык. Кто у нас в Старшем аркане самый говорливый? Пожалуй, Иерофант, он же Папа, он же Верховный Жрец. Эта карта традиционно означает советчика, наставника, духовное покровительство. Логично. Какая еще роль может быть отведена психиатру? Теперь нужно выяснить, какую именно из множества колод берет за осно-

ву убийца. Тогда можно будет примерно представить, что у него в голове: гномы или нечто посерьезней.

Возбужденный обрушившимся на него шквалом мыслей, Мирослав бросился к книжным полкам, которыми сплошь была увешана восточная стена его кабинета. Где-то здесь. Книги по магии и оккультизму располагались на предпоследней полке снизу. Где-то здесь. Он опустился на колени, наклонил голову и пробежал взглядом по пыльным корешкам. Ага, вот оно. Ближе к концу длинного ряда он заметил три картонные коробочки, которые лежали поверх томов. Мирослав не прикасался к ним уже пару лет, и они изрядно запылились. Он смахнул пыль ладонью – сейчас не до педантизма. Так, мы имеем колоды Таро Райдера-Уэйта, Марсельскую и Эклектик. Две из них, Марсельскую и Уэйта, Мирослав купил сам, вникая в суть предмета, Эклектик подарила студентка (кажется, влюбленная по уши).

Мирослав достал карты из коробок и начал перебирать их в поисках Иерофантов. В Марсельской колоде, которая одной из первых стала массово производиться во Франции с XVII века, Иерофант держал правую руку на уровне груди, сведя указательный и средний пальцы в жесте благословения. В левой руке у него был посох, напоминающий крест с тремя перекладинами. Не то!

В самой популярной на сегодняшний день колоде Райдера-Уэйта, разработанной в конце двадцатого века масоном и членом герметического ордена «Золотой Зари» Артуром

Уэйтом, с Иерофантом была почти такая же история. Хотя к символике карты добавились два скрещенных ключа в нижней части рисунка. Опять не то!

В Таро Эклектик, созданном художником Йозефом Мачинкой в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, поза и посох Иерофанта почти такие же. В нижней части, так же как и у Уэйта, присутствуют два скрещенных ключа, а вот в левом верхнем углу карты появился пентакль – пятиконечная звезда. Мирослав взглянул на фото жертвы – на груди у профессора пентакль. Так, уже теплее!

«Что ты мучаешься, книжный червь? Совсем оторвался от реальности», – мысленно отругал себя Мирослав и включил ноутбук. Вошел в браузер, открыл поисковик, ввел запрос: «Таро Иерофант», нажал иконку «картинки». Картинок выпало множество, Мирослав быстро пробежал их взглядом в поисках нужных символов.

Вот оно! Иерофант, левая рука которого опущена вниз, ее указательный и средний пальцы не соединены вместе в знаке благословения, как у других Пап, а расставлены в форме галочки. В правой руке он держит жезл, больше напоминающий ключик Буратино, увенчанный тремя кольцами. Пентакль тоже присутствует, да не где-нибудь, а прямо на груди у Папы. Оно!

Ну и что это у нас за колода? Мирослав кликнул на картинку и присвистнул. Таро Тота. Кроули! Как же я про тебя забыл, голубчик? Таро Кроули – это вам не какое-нибудь

Таро Гномов или Властелина Колец.

Алистера Кроули, уроженца маленького английского городка, еще при жизни называли Великим магом двадцатого века, хотя никаких чудес, кроме якобы магических сексуальных оргий с использованием наркотиков, он миру так и не явил. Зато оставил в наследство человечеству собственное учение под названием «Телема», главный постулат которого – «Твори свою волю: таков да будет весь закон».

В свое время Кроули создавал и возглавлял сатанинские организации по всему миру, основываясь на собственном вероучении. После смерти «Зверя Апокалипсиса», как он сам себя величал, его дело продолжили ученики, одним из которых был Энтони Шандор Лавей, автор «Сатанинской библии» и создатель крупнейшей в мире сатанинской секты «Церковь Сатаны», которая на сегодняшний день пустила весьма мощные корни в России. Другой ученик Кроули – Рон Хаббард – организовал секту «Церковь сайентологии», руководствуясь вполне мирской мотивацией: «Если хочешь заработать много денег, создай свою религию». Хаббард заработал действительно очень много – «Церковь сайентологии» сейчас является одной из самых многочисленных и могущественных тоталитарных сект в мире и России.

Кроули принято называть основателем современного сатанизма, хотя это утверждение не вполне корректно – сатанизм был и до появления на свет «Зверя Апокалипсиса». Но тот факт, что в результате деятельности Кроули сатанизм как

явление получил новую яркую жизнь, распустил свои склизкие щупальца по планете и опутал ими весь мир, – бесспорен. «Сатана – не враг человека, а жизнь, свет и любовь», – проповедовал Кроули. И, как ни странно, повсеместно находилось множество людей, которые охотно этому верили.

Благодаря крайне эксцентричному поведению Кроули при жизни привлекал к себе большое внимание общественности и СМИ. Он то позировал для фотокамер с огромным питоном на шее, то выпускал в свет сочинения, в которых писал, например, следующее: «Для высшей духовной работы всегда следует выбирать жертву, обладающую величайшей и чистейшей силой. Наиболее подходящим объектом в этом случае является невинный и умственно развитый ребенок мужского пола», – из книги «Магия в теории и на практике». Или: «В жертву же принеси скот крупный и мелкий, но прежде дитя», – написал он в «Книге Закона». Его публичные высказывания, писательские тексты и поведение шокировали, вызывали отвращение и суеверный ужас, но при этом крепко держали внимание заинтригованной публики.

Несмотря на известность и убежденность в своих магических способностях, умер Кроули в нищете и по вполне заурядной причине. В тысяча девятьсот сорок седьмом году в возрасте семидесяти двух лет он скончался в захудалом пансионате «Незервуд» от респираторной инфекции.

Но перед смертью с помощью Фриды Харрис он создал-таки свой вариант колоды Таро – Таро Тота, в которой зашиф-

ровал свое видение устройства Вселенной.

Значит, в голове у убийцы не гномики и эльфы, а «Телема», что в переводе значит «воля». И культ жертвоприношений вполне себе в его риторике. Убийца, стало быть, творит свою волю, при этом пытается привести в действие некий магический механизм.

Складываем один и один: Повешенного, то есть жертву, и Иерофанта. Что у нас получается? Иерофанта принесли в жертву? А для чего нужна жертва? Вероятно, чтобы усилить ритуал. Похоже, в Москве намечается шабаш – не повезло майору.

При мысли о жертвоприношениях Мирослава передернуло, память выдала картинку, как Баллу, стиснутый пальцами, растопыривает свои смешные лапы. Потом он словно ощутил в руках вертлявость плюшевого кома, влажность холодного носа на щеке и шее. И запах кислого молока.

Мирослав направился в ванную и умылся холодной водой, затем вышел на балкон, втянул носом сухой воздух августовской ночи, исподлобья вглядываясь вдаль. На его скулах блесла влага, желваки играли, рука непроизвольно сжала перила так, что побелели костяшки. Он хотел бы видеть горизонт, ровный, безмятежный, где гладкое поле сливается со сверкающим звездами хрустальным куполом, но видел лишь серое рыхлое брюхо неба над мегаполисом, вспоротое частоколом высоток.

Утром он проснулся бодрым, словно заведомо решил не

вспоминать про ночной приступ рефлексии. Сейчас главное – поскорей рассказать Замятину о своем открытии. Однако задача эта оказалась непростой.

Когда Мирослав вломился в кабинет майора и начал свое повествование, стало очевидно, что выкладываемые им сведения отлетают от Замятина, как от стенки горох. Майор слушал молча, время от времени глотая горячий чай, но глаза его были пусты. За все время рассказа в них не мелькнуло и искорки понимания или интереса. «Ну да, – мысленно анализировал ситуацию Мирослав, – пожалуй, человеку, который никогда не интересовался подобной тематикой, так вот, с ходу, сложно переварить информацию о Таро, магах, тайных орденах...» Но Погодин решил все же выложить свои соображения в полной мере. В конце концов, его привлекли к расследованию именно за этим.

– Итак, Иван Андреевич, на сегодняшний день в мире и России есть множество людей, которые не просто знакомы с учениями Кроули, но и следуют им. Часть из них принадлежит к орденам и якобы тайным организациям, другая часть – к сатанинским сектам и кружкам. Кстати, сейчас в России есть еще и так называемая школа магии «Воля-39», в которой преподают учение Кроули и практикуют его обряды. Еще часть людей принадлежит к псевдорелигиозным сектам, например к «Церкви сайентологии», которая ныне является одной из самых многочисленных в нашей стране. И несмотря на то что в чистом виде учение Кроули сайентологи не ис-

пользуют, косвенно они связаны с этим именем. Основатель секты Рон Хаббард был учеником Кроули. Оставшаяся часть последователей учения – это одиночки, или, если хотите, самоучки. Книги Кроули повсеместно доступны в продаже, вы можете найти их во многих книжных магазинах. Про Интернет я вообще молчу.

Замятин мрачнел на глазах.

– Вы хотите сказать, что след этого Кроули никак не сужает круг поисков?

– Ну почему же... Кое-какие предположения сделать все же можно. Скажем так: «Телема» – это вероучение. Весьма сомнительное, но тем не менее. В России существует орден этого вероучения, так называемый орден Телемитов. Я могу скинуть вам ссылку на их официальный сайт. Люди, входящие в этот орден, не только следуют законам «Телемы», но и занимаются популистской деятельностью, издают в России книги Алистера Кроули под видом «Творческой группы „Воля“»...

Мирослав в лекторской манере начал рассказывать майору об истории ордена, его внутреннем устройстве и обрядах посвящения.

Замятину открывался новый, странный, безграничный мир, который, как ему сейчас думалось, ни постичь, ни объять он не сможет никогда. Какая-то другая запредельная реальность, существующая параллельно с его собственной – простой и обыкновенной, – с понятным Богом, ранними про-

буждениями под трель самого обыкновенного будильника, непримечательным видом из окна однокомнатной квартиры в спальном районе, из которого он наблюдал, как в конце дня люди устало плетутся домой. Летом, когда солнце садилось поздно и вечера были окрашены мягким желтоватым светом, люди выглядели бодрее и ярче, одетые в легкие цветастые одежды, раскованные теплом. Зимой, в сумерках, их темные силуэты в свете фонарей или окон сверху казались одинаково темными, съезжившимися. Они медленно тянулись по дорожкам, сугулясь от холода, и, глядя на них, майор не сомневался, что они делят с ним одну реальность. Все в них виделось ему понятным: усталость после трудового дня, желание поскорей добраться до своей квартиры, встрепенуться и выдохнуть: «Бррр...», поуютней устроиться в кресле с горячей кружкой в руках и, не думая ни о чем, уставиться на мелькающий пестрыми красками экран телевизора или приступить к домашним хлопотам.

А сейчас выяснялось, что эта реальность похожа на многослойный пирог. Она вмещает в себя то, что понятно майору Замятину: жизнь, которая является обыденной для него и миллионов других людей, и то, что непонятно ему вовсе: тайные ордена, которые на поверку оказываются не такими уж тайными, имеют официальные сайты в Интернете, сатанинские и псевдорелигиозные секты, обряды, жертвоприношения, ритуальная магия. И все это не во времена какого-нибудь темного Средневековья, а в третьем тысячелетии

от рождества Христова. И где? В Москве. Даже не так – в мире и России!

– ...Восьмая ступень посвящения в этом ордене заключается в акте гомосексуального соития, – продолжал Мирослав.

Майора передернуло.

– Спасибо, Мирослав Дмитриевич. Давайте на этом пока остановимся, – оборвал он лекцию, подумав, что череп его вот-вот треснет под давлением информации, которую его сознание просто не в состоянии переварить в полном объеме. – Я понял.

Погодину было ясно, что майор не понял ровным счетом ничего. Да и вряд ли он когда-нибудь вникнет в суть того, о чем Мирослав распинаялся в его кабинете вот уже полчаса.

– То есть вы хотите сказать, что считаете причастными к убийству членов этого, прости господи, ордена? – решил перейти к конкретике Замятин.

– Нет, – выдал Мирослав.

У Замятина голова пошла кругом.

– Этой вероятности я отдаю от трех до десяти процентов, – начал разъяснение Погодин. – Но на самом деле причастность к подобному убийству каких-либо орденов крайне мала. Я не знаю ритуалов, которые бы подразумевали нечто подобное. А действовать вне четких ритуалов не характерно для членов обществ. Хотя, возможно, это совершил человек, входящий в орден, но на свое усмотрение.

– Ну, от трех до десяти процентов вы такой вероятности все же отдаете, – подытожил Замятин. – И на кого распределяются оставшиеся проценты?

– Процентов шестьдесят я отдаю сатанинским сектам, которых в России великое множество. У меня где-то сохранилась старая база МВД. В девяностых годах сатанинских сект в России расплодилось огромное количество, и они представляли реальную головную боль для правоохранительных органов. Ну и оставшиеся проценты уходят на самоучку, который не входит ни в какие организации, поскольку к учениям Кроули с легкостью можно приобщиться самостоятельно, начитавшись литературы или просто прошерстив Интернет.

– Спасибо вам, Мирослав. Мне нужно проанализировать полученную информацию, – ответил майор. – Пожалуйста, будьте на связи. Сегодня я разберусь с другими ниточками, тянущимися от этого убийства, и мы с вами решим, как действовать. По рукам?

– Звоните в любое время. Я пока подумаю, что можно предпринять по моей, скажем так, линии.

Замятин крепко пожал Погодину руку.

– Кстати, еще одна любопытная деталь, – Мирослав почти уже дошел до двери. – Фрида Харрис принадлежала к масонам. Кроули, кстати, в эту ложу так и не приняли, дабы не пятнать имя организации. Слишком уж сомнительные и неоднозначные идеи он пропагандировал. Да и публично вел себя, по меньшей мере, нескромно.

– И что это нам дает?

– Это вам для информации, на всякий случай. Но лично я причастность масонов к этому делу исключил бы полностью.

– То есть в России еще и масоны есть? – Майор несколько раз в жизни слышал упоминания о таинственной и могущественной организации, но всегда воспринимал эту информацию как байки. Интересоваться историей и реалиями масонства ему и в голову не приходило.

Мирослав расхохотался в голос, обнажив идеально ровные белые зубы, и тряхнул каштановой гривой. Майор определенно все больше забавлял эксперта, а моментами даже умилял – огромный детина, который удивлялся, демонстрируя детскую наивность и непосредственность.

– Ну конечно, есть! Причем они и не пытаются скрыть своего существования. О них даже «Комсомольская правда» время от времени пописывает. Больше того, Великая масонская ложа имеет штаб-квартиры по всему миру – большие здания, над которыми красуются надписи, выложенные огромными буквами «Великая Ложа Нью-Йорка», например, или Эдинбурга. У российских масонов отдельного здания штаб-квартиры пока не имеется, но если бы было, они бы наверняка гордо установили на нем аналогичную вывеску.

Только масонской ложи майору для полного счастья и не хватало! Масонская ложа и сливки общества в клиентском списке психиатра – совпадение весьма паршивое. Не ज्या-

тинского масштаба дело вырисовывается...

– И почему вы исключаете возможную причастность масонов к этому убийству? – с надеждой спросил он.

– Убийства совсем не в их стиле. Нет-нет. Для понимания могу рассказать вам о таком любопытном факте. При посвящении масона в тринадцатый градус (в России, кстати, масоны выше третьего градуса почти не поднимаются) проводится такой ритуал-испытание. Масону завязывают глаза и кладут его руку на выбритый живот барашка, чтобы посвящаемый ощущал теплую живую плоть, и при этом начинают уверять его, что перед ним неверный, который достоин смерти...

– Мирослав Дмитриевич, – прервал майор, – вы мне просто скажите, это не масоны?

– Нет, – снова рассмеялся Погодин.

– Это хорошо! Сколько, вы сказали, карт в этой колоде?

– В Старшем аркане двадцать две фигуры. Какой именно ритуал пытаются воспроизвести, прибегая к символизму Таро, пока точно сказать не могу. Пока не могу, – подчеркнул Погодин и двинулся к выходу.

Двадцать две фигуры! Чуешь, чем пахнет, майор?

IV

Сила и Вожделение

На следующее утро Замятин явился на работу помятый и мучимый мигренью. Признаваться коллегам в том, что у него ужасное похмелье, майор не стал. Большую часть ночи он провел в компании старого университетского друга и в интересах следствия нажрался с ним, как свинья.

Друг его, Сергей Ливанов, работал не где-нибудь, а в Федеральной службе безопасности, в аналитическом отделе, и занимался составлением психологических портретов различного рода личностей, немалую часть из которых составляли российские олигархи. В случае чего слабые места в психике сильных мира сего можно было использовать как рычаги давления. Их нужно было знать, так, на всякий случай.

О нюансах своей работы Ливанов по понятным причинам предпочитал не распространяться, но Замятин как близкий друг все-таки имел о ней некоторое представление.

Ливанов приехал по просьбе майора в его холостяцкую квартиру в Южном Бутове в десятом часу вечера. С собой он прихватил бутылку водки ноль семь и несколько салатов, упакованных в пластиковые контейнеры, на которых маячили магазинные стикеры со штрихкодами. Замятин к его приезду припас почти такой же незамысловатый набор, купив в

столовой на работе четыре порции пюре и шесть котлет, а в магазине – водку, банку солений и хлеба. Сереге не привыкать к его нехитрому угощению.

– Ну, здорово! – Сделав шаг за порог, Ливанов с размаху ухватил ладонь Замятина и крепко двинул его плечом в корпус.

Они оба радовались встрече. Во времена учебы в Московском университете МВД Замятин и Ливанов были, что называется, неразлейвода.

– Ну ты, полегче, – в шутку отозвался Замятин, ухватил друга за загривок, боднув крепким лбом, и со смехом добавил: – Хорош, пошли на кухню.

Кухня служила майору не то чтобы кухней, а так, помещением: газовая плита была закрыта белой металлической крышкой, на нее он складывал все, что под руку попадалось. Холодильник исправно тархтел, а что толку – ничего пригодного в пищу в нем не было: пара упаковок просроченных соков и что-то отдаленно напоминающее кусок сыра. Кухонный гарнитур из ДСП, облицованный белым глянцевым покрытием с паутиной бежевых разводов, тоже особой функциональной ценности для Замятина не представлял. Единственное, что здесь время от времени использовалось по назначению, – микроволновка, раковина и стол с табуретками. За этот самый стол они и сели. Замятин наполнил стопки, выпили за встречу.

– Ну, говори, Замятин. Вижу, что не просто так позвал,

моторика выдает тебя с потрохами, – весело выдал Ливанов.

Тьфу ты! Майор и не заметил, что крутит в пальцах крышку от водки. Он тут же метким броском запустил ее в мусорное ведро – уже не понадобится. Вечно он забывает про эти Серегины штучки, а тот его постоянно ловит то на «неосознанной моторике», то на «телесных паттернах», то еще на чем-нибудь, ведомом лишь квалифицированным «мозгоправам». После университета МВД Ливанов загорелся идеей выучиться на психотерапевта, факультета подготовки психологов ему оказалось мало. Как результат – второе высшее. Замятин же, получив профессию следователя, сразу пошел работать по специальности. По Серегину профилю он знал разве что азы психологической атаки противника. Как там их в армии учил усатый подполковник? «Сдавайтесь, ваше дело гиблое!» – кажется, так... И вот результат – он у Ливанова как на ладони. Да что уж теперь... Майор достал из сумки, лежащей на плите, фотографии трупа и пачку листов.

– Вот, – он передал Ливанову фотографии. – Это в некотором роде твой коллега, профессор психиатрии.

– А фамилия?

– Заславский Евгений Павлович.

– Заславский... Заславский... Что-то знакомое... Кажется, я читал кое-что из его работ, – на переносице Ливанова проступили поперечные морщинки. – Давай за профессора, чтоб земля ему была пухом. – Ливанов наполнил рюм-

ки. – Не чокаясь. Хм, интересные художества... Постмодернизм? – продолжил он, приглядевшись к фото, после того как водка растеклась по горлу теплой волной.

– Экспрессионизм, блин.

– Ну, что я могу сказать навскидку? Убийца, скорее всего, буйный шизофреник, но при этом эстет, не мясник. Характер увечий очень, как бы это сказать, деликатный. Они нанесены не ради крови, а ради идеи. Ни одного лишнего надреза.

Да, Замятин уже думал об этом. Если бы не кровь, обильно пролившаяся из смертоносной раны на шее, то лежал бы профессор как живой, в нелепой позе и со звездой на груди. Судмедэксперт подтвердил, что ни побоев, ни сломанных костей, ни следов борьбы на трупе не обнаружено. Все увечья нанесены жертве уже после смерти. Смерть же его наступила довольно быстро: вжикнули профессора по сонной артерии острым предметом (может, скальпелем, может, опасной бритвой, а может, еще чем-то из той же серии), он потрепыхался минут пять, судорожно зажимая рану, – и все. Очевидно, психиатр был застигнут врасплох и нападения никак не ожидал.

Несмотря на то что Евгений Павлович Заславский имел внушительные габариты – метр восемьдесят, упитанный и крепко сбитый, – чтобы отправить его на тот свет, большой физической силы не потребовалось. Ловкость рук и эффект неожиданности определили финал его жизненного пути.

– А ты знаешь, Ваня, возможно, этот убийца совсем не против того, чтобы его вычислили, – Ливанов продолжал вглядываться в фото.

– Визитки на трупе найдено не было... К сожалению.

– Зато на трупе много знаков. Это как зашифрованное письмо. Либо он действительно искренне верит в сакральный смысл этой символики, либо хочет что-то сказать. А может, даже прокричать.

– И что же он хочет прокричать?

– Трудно сказать. Надо сначала расшифровать послание...

– Ладно, – Замятин налил еще по одной. – А теперь давай про это.

Он подвинул к Литвинову стопку распечатанных на принтере листов.

– Что это?

– Небольшие досье на клиентов профессора. Кажется, здесь должны быть персонажи, про которых ты многое можешь рассказать. Кто из них, по-твоему, способен на такое?

– Ты что, Ваня, по старой дружбе под монастырь меня подвести решил? – Ливанов прищурился, но при этом на губах его угадывалась улыбка.

«Расколется Серега, никуда не денется», – тут же сделал вывод коварный майор. Он несколько драгоценных часов потратил на то, чтобы найти в Интернете кое-какие данные о публичных персонах, обращавшихся за помощью к профессору. На каждом листе было черно-белое фото и краткие све-

дения из их биографий.

– Да, недостатка в клиентах у Заславского, по всей видимости, не было, – Ливанов отогнул край подборки большим пальцем и позволил листкам с шелестом опуститься на место. – Хорошо, посмотрим, кто тут у тебя.

Он начал с сортировки. В итоге по левую руку от него на столе оказалась большая часть замятинской пачки. «Этих мы не разрабатываем. Мелковаты», – последовала ремарка.

– А это все знакомые мне лица. Теперь я вспомнил, откуда мне фамилия твоего Заславского известна. Ну что, дубль два?

Ливанов снова стал раскидывать оставшиеся листы на две стопки, было их совсем немного. Справа он сложил тех, кто, по его мнению, был вне подозрения по этому делу. Таких досье оказалось три – Замятин подметил. В руках у психотерапевта остались личности, на его взгляд, неоднозначные. Он держал перед собой два досье.

– Вот.

Он положил перед Замятиным распечатку, с которой на майора серьезно смотрел сквозь очки известный банкир.

– Перекрытый наглухо, – поставил диагноз Ливанов. – И у этого тоже тараканов, как дерьма за баней.

К майору переключал еще один лист с данными на не менее крупного предпринимателя, владельца агрохолдинга.

– И что с ними не так? – спросил Замятин.

– Да все с ними не так, состояния у них пограничные. Они

на волосок от шизофрении, а может, уже и перешагнули эту грань. В какой момент и как именно их переклинит, одному Богу известно. Банкир этот псих, каких мало. Приступы неконтролируемой агрессии, руководящая истерика. Особо приближенных подчиненных может и об стол приложить, и пепельницей в голову запустить, и ногами отметелить. Если начинает орать, то спасайся кто может. В общем, контроля над собой у него с каждым днем все меньше. В его ближнем круге остаются лишь те, кто еще с лихих девяностых привык на волшебных пенделях летать, или те, с кем он по ряду причин хоть как-то сдерживается. Может, профессор ему сказал что лишнее? Хотя я не слышал, чтобы он увлекался чертовщиной. А для того чтобы пусть даже спонтанно такое учудить, в голове должен быть определенный набор информации.

– А он случайно к каким-нибудь тайным организациям не относится? Ну, например, к масонам?

Ливанов посмотрел на Замятина и хмыкнул.

– Ну, ты жжешь, Ваня! – констатировал он с усмешкой. – Нет, этот не относится. Вот этот входит в масонскую ложу.

Он выудил из пачки «вне подозрения» листок с данными на еще одного крупного предпринимателя. Замятин аккуратно сложил его пополам и отодвинул в сторону.

– А что со вторым подозрительным?

– Этот, – Ливанов разглядывал бородатое лицо ското-промышленника на фотографии, его снова стал разбирать

смех. – Этот тоже перекрытый наглухо. Он, видишь ли, религиозный фанатик, причем серьезно двинутый на этой теме. Как вспомню его подвиги... – психотерапевт не выдержал и расхохотался. – В общем, на предприятиях у него работают только крещеные православные, рабочий день начинается с молебна, и все в том же духе. Недавно поувольнял сотрудников, которые находятся в официальном или гражданском браке, но при этом в церкви не венчаны. Ну, ты можешь себе представить, что у человека в голове? От фанатичной религиозности до подобного мракобесия, – Ливанов ткнул пальцем на фото жертвы, – иной раз один шаг. Он-то, вероятно, в теме бесовских происков должен хорошо разбираться. Может, и переклинило.

– А вообще забавно, – помолчав, продолжил Ливанов. – Он ведь в религию ударился после того, как в секте побывал, «Аум Сенрике», кажется. Был в начале девяностых невероятный всплеск сектантства, даже Горбачева угораздило принять в Кремле главу секты «Объединенная церковь Муна» преподобного, как он сам себя величает, Сан Сен Муна. Вот и аграрий наш не устоял перед обаянием заморских вероучений. Ободрали его в этой секте, как липку. Ну, это уж как водится. А потом, когда стараниями родственников его удалось оттуда выкорчевать, он на православной религии помешался, на нашем языке – заменил один костыль другим. С каждым годом ситуация с его психическим состоянием ухудшается. Но, как видишь, несмотря на дурь, предприниматель-

ский гений его пока не подводит. Высоко поднялся мужик. Ладно, давай еще по одной. За то, чтоб в здоровом теле был здоровый дух!

Замятин разлил, они выпили. В руке Ливанова осталась пустая рюмка, он перекатывал ее в пальцах и задумчиво рассматривал прозрачный стеклянный обод по верхнему краю. Обод был округлым, гладким, но толщина стекла на нем распределялась неровно, местами прозрачная гладь походила на застывшие капли. Вращая рюмку и вглядываясь в причудливую игру света на неоднородной поверхности, на то, как по-разному она преломляет лучи электрической лампочки под потолком, Ливанов думал о чем-то своем. А потом поднял на Замятина глаза и сказал:

— Знаешь, будь моя воля, я бы всех людей в обязательном порядке отправлял к психотерапевтам лет так в восемнадцать. Или при получении первого паспорта. Устраивал бы обязательный углубленный психический осмотр перед выходом человека в большую жизнь. Ты даже представить себе не можешь, сколько у людей искажений в картине мира, причем таких, которые чаще всего мешают жить, начисто лишают возможности испытывать простое человеческое счастье. Люди набираются всевозможных психотравм еще до совершеннолетия и всю оставшуюся жизнь волокут на хребтине эти тюки, которые не позволяют им разогнуться и взглянуть на мир под прямым углом. Ты представляешь, как было бы круто, если бы перед тем, как зажить самостоятельной взрослой

жизнью, каждый проходил бы курс психотерапии, который избавляет от искажений в восприятии реальности? Вполне возможно, что тогда человечество не узнало бы того же Гитлера или хотя бы вот этого потрошителя.

Ливанов снова ткнул пальцем в изображение убиенного профессора.

– Представляю. Но тогда психотерапевты, возможно, стали бы самыми влиятельными людьми на планете. Ведь при желании можно починить, а можно и доломать.

Ливанов рассмеялся.

– Знаешь, за что я тебя люблю, Иван? Люблю и уважаю! – завел он, видимо начиная хмелеть. – За то, что ты нормальный и здоровый! А потому простой, правильный и четкий. Ты сам-то хоть знаешь, как тебе в этой жизни повезло?

О том, что в жизни ему повезло, Замятин знал. И более того, хорошо помнил, в какой именно момент на него снизошла удача. Это случилось в двенадцать лет, когда в ушах у него эхом отдавался глухой звук ударов собственной головы о грязно-белую стену, а под ребрами словно гуляла шаровая молния, обжигая искрящимися плетьюми.

Его детство прошло в интернате, затерянном в Подмосковье. Конечно, в этом детстве было все то, чего быть не должно. Чувство одиночества и ненужности, враждебности мира и незащищенности, лютые условия и лютые люди. Были в нем и первые наивные письма Деду Морозу с просьбами о маме и папе, вместо которых он неизменно получал пакетик

с кислыми мандаринами и горстью шоколадных конфет. Поначалу ему казалось, что он по ошибке попал в чужой, непонятный мир и окружают его по большей части разумные существа другого вида, которые имеют мало общего с ним самим. Но потом маленький Замятин приноровился к выпавшей на его долю действительности, обзавелся парой друзей, и жизнь худо-бедно стала налаживаться.

Он рос здоровым и крепким, но физическая удаль не соблазняла его перспективой общаться с миром на языке силы. У Замятина было такое внутреннее устройство, при котором сомнительные развлечения не манили его. Он не испытывал потребности самоутверждаться за счет слабых и тяги к запретным плодам. Вундеркиндом он не был, учился сносно, но не более того, художественной литературой тоже увлекался не слишком – почитывал кое-что из школьной программы, редко добираясь до конца повествования. Но при этом без какой-либо морали, полученной извне, маленький Замятин нутром умел отличать истинное от ложного, плохое от хорошего. Временами он подолгу засматривался на ясное небо, и никто не знал, о чем в такие моменты размышляет Ваня Замятин.

Однажды, когда во дворе интерната он сидел один и разглядывал лазурь, к нему подбежал мальчишка из старшей группы, лет четырнадцати. «Слушай, малой, спрячь, а? Меня к директору вызвали, не хочу с пачкой к нему идти. Я вечером у тебя заберу», – протараторил он, сунул Замятину

сигареты и быстро двинулся в сторону здания. Замятин сделал, как просили.

Вечером новый знакомый вывел его на улицу, за угол здания, и забрал пачку. Но не успел он пройти и десяти шагов, как на пути возникли трое ребят того же возраста. В сумерках Замятин разглядел лишь, что между ними началась какая-то возня, а потом знакомый с пачкой обернулся и указал рукой на него. Темные силуэты двинулись в его сторону.

– Вот он, пацаны, клянусь. Я мимо проходил, смотрю, малой курит. Отобрал у него пачку, а на ней наша метка. Ну я сразу к вам побежал, чтоб мы вместе с этим козлом разобрались. – Он с силой толкнул Замятина в грудь, и тот налетел спиной на стену.

– Так, значит, ты тут крысишь, гаденыш? Мелкий, а уже падла, – проговорил самый высокий в этой компании.

– Это неправда, – сказал Замятин.

– Ну что, Заноза, пацан говорит, что ты лепишь. Получается, крыса – ты.

– Ах ты...

Заноза резким движением ударил Замятина в живот. Тот согнулся почти вдвое, пытаясь заново научиться дышать. Удар оказался мощным. Ему потребовалось много усилий, чтобы не сползти по стене на землю. Чуть было отдышавшись, Замятин прошептал: «Это неправда». Он сам не понимал, какой порыв толкает его к тому, чтобы твердить эти слова, сгибаясь от боли. Он знал – за ними последует еще

один удар. Так и случилось. В боку, как лампа дневного света, моргнула и вспыхнула тупая боль. Чьи-то руки вцепились в ворот рубашки, крепкие пальцы стиснули запястья. Замятина выпрямили по струнке и прижали спиной к стене. Схваченный с двух сторон, он видел перед собой две мальчишеские фигуры в свете окон, еще двое стояли по бокам. Один из них, тот, что повыше, был чуть поодаль. Второй, тот самый, что дал ему сегодня злополучную пачку, находился прямо перед ним и зло смотрел Замятину в глаза.

– Ну, разбирайтесь теперь, кто из вас крыса. А мы посмотрим и подумаем, – подал голос тот, что сзади.

– Так значит, я вру?

Замятин молчал. Из-за боли думать было трудно. Он поймал себя на том, что испытывает страх и его тело сотрясается мелкой дрожью. Колени и вовсе не слушались, то и дело подгибались. Ему было больно и страшно. Сказать, что он взял эти чертовы сигареты? Чтобы экзекуция закончилась быстро. Попинают его ногами, но долго это не продлится. А вот насколько затянется разговор у стены, пока непонятно. Но он не брал сигарет. Это неправда! Он не делал ничего такого, за что мог бы испытывать стыд, и примерять личину вора, пусть даже зная, что это не так, невыносимо мерзко.

– Ну! – поторопил его Заноза, занеся кулак.

– Врешь! – выплюнул Замятин и снова лишился возможности дышать.

Ему казалось, что еще пара секунд – и он задохнется. Ко-

гда его вдохи и выдохи вошли в подобие ритма, рядом вновь слышалось: «Я вру?» «Врешь», – тут же, не думая, выдал Замятин и сам ужаснулся. На этот раз Заноза хорошенько приложил его о стену головой. «Бум» – глухо отдалось в буд-то пустом черепе. Вспышка и темнота. Ситуация повторилась еще несколько раз, Заноза чередовал удары.

Замятин приноравливался к боли – сильной, обжигающей, оупляющей, он словно приручал ее, позволяя разлиться по телу. В полубессознательном состоянии он по-новому чувствовал, как она распускается внутри паутиной сверкающих молний или пробегает немотой по затылку и шее. С каждым ударом боль становится для него не такой уж чужой, предсказуемой. «Это неправда! Неправда!» – крутилось в голове и слетало с губ. Назад пути нет, теперь надо стоять, и будь что будет, решил он.

– Вы чего докопались до малого? – слышалось откуда-то сбоку. Видимо, мальчишки из старших групп потянулись на улицу курить.

– Он, по ходу, крыса, – отозвался высокий.

– Ладно, не лезь, пусть разбираются, – раздался еще один голос.

Хорошо, что Заноза давал ему передышки, во время которых Замятин приходил в себя. Ему хотелось смотреть Занозе в глаза, и он смотрел. Прямо и пристально. Он разглядывал их как нечто диковинное, так врач разглядывает редкую патологию или биолог – мутировавшее насекомое. «Я

вру?» – «Врешь». Голос Замятина становился тверже, а удары Занозы, кажется, слабее и реже. Он бил его головой о стену, прикладывая грязную ладонь ко лбу и резко толкая в направлении стены. «Бум». Голова ощущалась тяжелым шаром на обмякшей шее, по затылку разливалась густая немота. Онемение приглушало боль, Замятин уже почти не ощущал ее. «Врешь!»

Сколько времени прошло с того момента, когда Заноза нанес ему первый удар, Замятин не понимал. Удары он не считал, но ему казалось, что их было бессчетно много. И вдруг Ваня понял: ему больше не страшно. Он почувствовал, что внутри него происходит странный процесс: каждый раз, отвечая на вопрос и получая в ответ удары, он будто наливался силой. Не злобой, не обидой, не жалостью к себе, а именно силой, словно сейчас внутри у него рос и креп стержень, вокруг которого впредь будет вращаться его жизнь.

Взгляд маленького Замятина стал другим. А потом он заметил, что и Заноза смотрит на него как-то иначе своими диковинными глазами, в них все явственней проступает растерянность и мольба. Возможно, в нем в этот момент тоже происходил некий метафизический процесс. Возможно, он также чувствовал шевеление внутри, которое приводило его к ясному пониманию, впервые за всю его маленькую жизнь, кто он есть или кем стал теперь. Замятин наблюдал эту метаморфозу, и ему чудилось, что внутри Занозы вместо тверди манная каша. Он ловил себя на том, что счастлив быть

на своем месте здесь и сейчас. Даже тогда, когда голова его вновь и вновь прикладывалась к стене. Предложи ему кто окажется по другую сторону – он ни за что бы не согласился. Теперь Заноза смотрел на него уже с отчаянием. Продолжал бить, но будто бы нехотя, словно и на него пахнуло отрезвляющим дыханием истины. «Ну скажи, что ты взял», – почти просил он. «Нет».

– Да хорош уже вам! – снова донеслось со стороны. – Был бы он крысой, давно бы раскис.

– Ну что, Заноза, пойдем теперь дальше разбираться, кто тут крыса, – насмешливо проговорил долговязый.

Замятин чувствовал нутром, что одержал в этой схватке чистую, бесспорную победу. Главную в своей жизни. Плевать, что все болело и шел он кое-как, со стороны похожий на сломанную куклу. Плевать, что его, обездвиженного, позорно били на глазах у других – ему было ничуть не стыдно. Он разгадал главный секрет, определивший его будущее, нашел источник силы. Сила – в вере. В правду, в себя, в спокойную ровную голубизну неба, сквозь которую сочится свет. Нужно просто верить и стоять до конца.

– Я знаю, что мне повезло, – ответил он Ливанову и потер крепкую шею. И тут же усмехнулся, вспомнив, как после той истории еще пару дней его голова отказывалась держаться на шее, произвольно откидываясь то набок, то назад. На занятиях Замятин тихонечко брал ее двумя руками и возвращал в ровное положение, стесняясь того, что выглядит при

этом крайне странно.

– Давай тогда за это! – Ливанов поднял рюмку.

Вернувшись к действительности, Замятин посмотрел на расфасованные по стопкам листы, прикинул объем работы. Тех, что «мелковаты», то есть бóльшую часть профессорской клиентуры, надо будет опросить на предмет алиби. Рыб покрупнее, которые, по мнению Сереги, вне подозрения, он пока трогать не будет. А тех двоих, которые «весьма неоднозначны», возможно, придется «поводить» на свой страх и риск – иначе говоря, устроить несанкционированную слежку. Допрашивать их Замятин пока не сунется.

Пока зацепок у майора было не так уж много, сейчас все средства хороши. Соседей в доме, где располагался офис Заславского, опросили – естественно, никто ничего не видел и не слышал. Неудивительно, учитывая тот факт, что в помещение ведет отдельный вход. Звонки на телефон профессора пробили, в тот день ему звонили секретарша и жена, а клиенты приходили на приемы по заранее сделанной записи. У секретарши было помечено, что в тот день должны были явиться три человека из разряда «мелковаты», их Замятин сегодня уже опросил – глухо, у всех железное алиби. Да и место преступления они покинули гораздо раньше того момента, когда было совершено убийство.

Был, правда, еще один звонок на мобильный Заславского, за несколько часов до его смерти. Номер в телефонной записной книжке пострадавшего не значился. Замятин было

вспыхнул – неужели повезло? Но где уж там. Звонили из телефона-автомата в районе Китай-города – опять тупик, только лишней возни добавилось. Надо будет изучить, что за заведения и организации расположены в этом районе, а их там вагон и маленькая тележка. Что у нас остается? Предположения Ливанова и мутный след от Погодина.

Ох и мутный след, думал майор, но копать там надо, чуть подсказывало. Завтра на планерке у начальства другие следки из его группы доложат, что они разузнали о личной жизни Заславского и его профессиональной деятельности. Майору же предстоит рассказывать про карты Таро, какой-то там орден, школу магии, сатанинские секты и прочую ерунду. Ну и про двух олигархов. Да уж, весело. Все люди как люди, один он предстанет перед начальством как клоун из шапито, жонглирующий непонятными предметами. Замятин налил еще по одной и без промедления опрокинул рюмку. Ладно, утро вечера мудренее. А пока вот что...

– Серега, накидай-ка мне примерный распорядок дня вот этих товарищей, – Замятин ткнул пальцем в листки с «подозрительными».

– Ну ты, блин, даешь... Ладно, черт с тобой, завтра посмотрю кое-какие записи и примерно набросаю.

Ливанов вызвал такси лишь в четвертом часу утра, а в семь тридцать у самого уха майора будильник издал противную, до костей пробирающую трель. Замятин резко сел на кровати, свесив ноги на пол, чтобы лишить себя искушения

«подремать еще пять минут», которое неизбежно привело бы его к мгновенному провалу в глубокий сон. Голова раскалывалась невыносимо, собственное тело ощущалось непомерной ношей. Он, пошатываясь, побрел на кухню и жадно приложился к банке с соленьями, глотая живительную влагу. Выпив все до капли, Замятин потащился в сторону ванной, на ходу выплюнув лавровый лист в мусорное ведро. В десять часов планерка у начальства, надо еще привести мысли в порядок, а он пока даже «му» сказать не может. Вся надежда на контрастный душ.

Но до планерки дело не дошло. В девять сорок пять в кабинете майора раздался звонок.

– Иван Андреевич, выезжайте, еще один труп по вашей части.

Майор Замятин побледнел лицом и обреченно спросил:

– Со звездой?

– Нет, «с улыбкой Глазго» и резиновым фаллосом, – донеслось из трубки.

– Твою мать...

* * *

Фрида сидела за мольбертом. Под ее влажной кистью на холсте послушно проступали очертания прекрасной нагой женщины, восседающей на мощной львиной спине. Женственное тело «Багряной Жены» изгибалось дугой, напря-

женные сосцы смотрели вверх, крепкие бедра сжимали спину животного. Голова ее в исступлении была откинута назад, по львиному крупу рассыпались огненные пряди. В протянутой к небу руке она держала Грааль.

О том, что это Грааль, Фрида узнала из книг, подаренных Давидом во время последней встречи, когда передавала ему полотно с Иерофантом. «Я думаю, вам интересно будет вникнуть в суть предмета, к которому вы теперь имеете непосредственное отношение», – сказал он, протягивая несколько томов с потертыми краями. Фрида приняла книги скорее из вежливости, чем из любопытства. Но, изучая дома карту «Вожделение», поймала себя на том, что хочет узнать ее значение. «Умиротворяй Энергию Любовью; но пусть Любовь поглощает все сущее», – гласила первая строка эпиграфа к карте. В традиционных колодах этот аркан называется «Сила» – женщина гладит рычащего льва, демонстрируя преобладание внутренней силы над внешней. Но волею Кроули «Сила» стала «Вожделением».

«Ну, я попробую тебе объяснить, что при этом чувствуешь. Представь себе, что ты увидел вкусную шоколадку, и вот тебе ее дали, и ты ее ешь, и – до чего же тебе вкусно! Эта картина как раз о том, что ты чувствуешь, когда ешь шоколадку», – из письма Фриды Харрис Алистеру Кроули от 25 марта 1942 г., – вычитала Фрида в книге Лона Майло Дюкетта, где толкование колоды давалось в упрощенной форме. Так Харрис объяснила значение картины «Вожделение» ре-

бенку, который заинтересовался «Багряной Женой» на выставке ее работ. Другая Фрида, сидящая сейчас за мольбертом, считала, что определение хоть и близко к истине, но лишь на тысячную передает полноту чувства. Вожделение... Фрида так много знала о нем.

Ей всегда хотелось любви, с самого юного возраста, когда цвета осенних листьев и закатного солнца вдруг начинают ощущаться по-новому. Ей хотелось любви особенной, звенящей на самой чистой, эталонной ноте, как колокольчик в высокогорной тиши. Любви, которая позволила бы раскрыть этот мир, словно устричную ракушку, и увидеть его нутро, когда из плотно закрытой, мало привлекательной на вид тверди вдруг являются жемчуг и перламутр.

В этой ранней юности Фрида решила, что такая любовь возможна лишь вопреки всему, а не благодаря чему-то. Что она рождается мгновенно, стоит лишь встретиться взглядами, и не умирает несмотря ни на что.

Взрослея, она наблюдала суету подруг, которые заботились о нарядах, о том, как лучше подать себя, словно были бараниной на вертеле, обсуждали тактики и стратегии в отношении парней. Фриде все это было чуждо. Ей не хотелось любви, возвращенной на почву, которая впитала в себя хоть один химикат, искусственное удобрение.

Она не умела кокетливо опускать глаза и улыбаться, когда того требовал случай. Попытки выступить в этом амплуа словно облекали ее в чужую личину, не хватало лишь по-

моста и зрителей, комкающих в руках билеты. При желании она могла бы играть роль искусной кокетки и завоевательницы сердец, если бы верила, что так нужно. Но она не верила. Мир вокруг нее жил по понятным, но неприятным законам, в которых доминировала фальшь. Фрида не принимала их. Жизнь по ним она ассоциировала с ношением на пальце сверкающего циркона под видом бриллианта, который горделиво демонстрируешь на людях, а оставшись один на один с собой, снимаешь и брезгливо отшвыриваешь в угол. Я не игрок, думала Фрида. Игра – фальшь. Фальшь – ничто. И лишь истина имеет смысл. Даже не так... Лишь истина имеет вес. Лишь она, эфемернейшая по сути вещь, несет в себе силу.

К тому моменту, когда пришло ее время шагнуть в большой мир – поступить в вуз и зажить более или менее самостоятельной, обособленной жизнью, – личность ее сформировалась весьма самобытным путем, в ней чувствовалось что-то дикое, аскетичное, сложное. Фриде повезло попасть в среду, где подобная сложность натуры не порицалась, а воспринималась скорее как знак качества. Она поступила в Академию художеств на факультет станковой живописи.

Писала она увлеченно, до ломоты в суставах и спине, склоняясь над белым фактурным холстом, следуя взором за рукой, держащей кисть, как за проводником в другой мир. Она любила наблюдать, как изумрудная зелень и желтый кадмий, охра и жженая умбра подбирают под себя белое волок-

но, поглощают пустоту и, сроднившись от вынужденного соседства, являют взору целостность – яркое, сочное полотно. Дышащее, настоящее.

Живя в Москве, Фрида кругом видела серость. Не то чтобы в облике столицы доминировал серый цвет, просто большую часть года Москва была подернута белесой пеленой холода, как строительными лесами, которую нещадно марали вечная слякоть и выхлопные газы. Цвет получался таким, словно краски неумело смешали на ватманской бумаге, а потом попытались замывать пятно большим количеством воды. В художественной школе, когда Фрида только-только начинала познавать волшебную силу рукотворного цвета посредством акварели, сухощавый преподаватель с седеющей бородкой и будто врожденной сутулостью называл такие пятна «разводить на рисунке грязь».

В памяти Фриды ярко жили моменты, когда в раннем детстве мать вывозила ее в загородный домишко, который находился в ста двадцати километрах от Москвы. Их наезды туда случались поздней весной, летом, ранней осенью, когда природа сочилась всевозможными цветами, а старенькая постройка не нуждалась в отоплении. Ее мать была переводчицей художественной литературы с английского и испанского, работая на дому. В поисках вдохновения и умиротворяющей тишины она частенько уезжала в этот дом, прихватив с собой маленькую Фриду. Там они проводили недели, а иногда и месяцы, существуя в гармонии друг с другом и миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.